

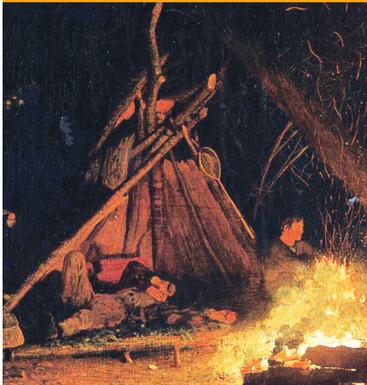
Джон
Стейнбек

1962
Нобелевская
премия

О мышах и людях
Квартал Тортилья-Флэт

[повести]

XX век – The Best

Джон Стейнбек

**О мышах и людях. Квартал
Тортилья-Флэт (сборник)**

«АСТ»

1935, 1937

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стейнбек Д.

О мышах и людях. Квартал Тортилья-Флэт (сборник) /
Д. Стейнбек — «АСТ», 1935, 1937 — (XX век – The Best)

«О мышах и людях» – повесть, не выходящая из сотни самых продаваемых книг на портале «Amazon» наряду с «Убить пересмешника» Харпер Ли, «Великим Гэтсби» Фицджеральда и «1984» Оруэлла. Книга, включенная Американской библиотечной ассоциацией в список запрещенных вместе с «451° по Фаренгейту» и «Над пропастью во ржи». Обе ее экранизации стали заметным событием в киномире: картина 1939 года была номинирована на 4 премии «Оскар», фильм 1992-го – на «Золотую пальмовую ветвь». В издание также включена повесть «Квартал Тортилья-Флэт».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Стейнбек Д., 1935, 1937
© АСТ, 1935, 1937

Содержание

О мышах и людях	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джон Стейнбек
О мышах и людях.
Квартал Тортилья-Флэт
(Сборник)

John Steinbeck
OF MICE AND MEN
TORTILLA FLAT

© John Steinbeck, 1935, 1937

© Copyright for Tortilla Flat renewed 1963 by John Steinbeck

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2014

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

О мышах и людях

I

В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам и течет у самых их подножий. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь. На одном берегу золотистые предгорья круто поднимаются к могучему скалистому хребту Габилан, а на другом, равнинном берегу растут деревья – ивы, которые покрываются каждую весну молодой зеленью и сохраняют на нижних листьях следы зимнего разлива, и сикоморы с пятнистыми, беловатыми кривыми сучьями и ветвями, которые склоняются над заводью. Земля под деревьями устлана толстым ковром листьев, таких хрустких, что даже ящерица пробежит – и то слышно. По вечерам из кустов вылезают кролики и сидят на песке, а ночью по сырому и ровному берегу снуют еноты, да на песке остаются следы широких лап собак с окрестных ранчо и острых раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой.

Меж ив и сикоморов вьется тропа, протоптанная мальчишками, прибегающими с ближнего ранчо купаться в глубокой заводь, и бродягами, которые по вечерам, свернув с шоссе, плетутся сюда переночевать у воды. Под низким прямым суклом огромного сикомора скопилась куча золы от многого множества костров, а сам сук гладко отшлифован многим множеством людей, сидевших на нем.

К вечеру, после жаркого дня, поднялся ветерок и тихо шелестел в листве. Тени поползли вверх по склонам гор. Кролики сидели на песке недвижно, словно серые камни. А потом со стороны шоссе раздались шаги – кто-то шел по хрустким палым листьям сикоморов. Кролики бесшумно попрятались. Горделивая цапля тяжело поднялась в воздух и полетела над водой к низовьям. На миг все замерло, а потом двое мужчин вышли по тропе на поляну у заводи. Один все время шел позади другого, и здесь, на поляне, он тоже держался позади. Оба были в холстяных штанах и таких же куртках с медными пуговицами. На обоих были черные измятые шляпы, а через плечо перекинута туго свернутые одеяла. Первый был маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, был большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела.

Первый так резко остановился на поляне, что второй чуть не наскочил на него. Первый снял шляпу, вытер кожаную ленту указательным пальцем и стряхнул капельки пота. Его дюжий спутник сбросил свернутое одеяло, опустился на землю, припал к зеленоватой воде и стал пить; он пил большими глотками, фыркая в воду, как лошадь. Маленький забеспокоился и подошел к нему сзади.

– Ленни! – сказал он. – Ленни, Бога ради, не пей столько.

Ленни продолжал фыркать. Маленький нагнулся и тряхнул его за плечо.

– Ленни, тебе же опять будет плохо, как вчера вечером.

Ленни, окунув голову в реку, уселся на берегу, и струйки воды, стекая со шляпы на голубую куртку, бежали у него по спине.

– Эх, славно, – сказал он. – Попей и ты, Джордж. Вволю попей.

И он блаженно улыбнулся.

Джордж отцепил свой сверток и осторожно положил его на землю.

– Я не уверен, что вода здесь хорошая, – сказал он. – Больно уж много на ней пены.

Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью; круги, расширяясь, побежали по заводи к другому берегу и снова назад. Ленни смотрел на них не отрываясь.

– Гляди, Джордж. Гляди, чего я сделал!

Джордж встал на колени и быстро напился, черпая воду горстями.

– На вкус вроде бы ничего, – сказал он. – Только, кажись, здесь она непроточная. Всегда пей только проточную воду, Ленни, – сказал он со вздохом. – А то ведь ты, ежели пить захочешь, хоть из вонючей канавы напьешься.

Плеснув пригоршню воды себе в лицо, он вытер рукой лоб и шею. Потом снова надел шляпу, отошел от воды и сел, обхватив колени руками. Ленни, не сводивший с него глаз, в точности последовал его примеру. Он отошел от воды, обхватил руками колени и поглядел на Джорджа, желая убедиться, что все сделал правильно. После этого он поправил шляпу, слегка надвинув ее на лоб, как у Джорджа.

Джордж, насупившись, глядел на реку. От яркого солнца у него вокруг глаз появились красные ободки. Он сказал сердито:

– Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах, прямо по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Лень ему, видите ли, притормозить. Небось ему и в Соледаде остановиться неохота. Высадил нас и говорит: «Тут в двух шагах по шоссе». А я уверен, что мы прошли даже больше четырех миль. Да еще по такой адской жарнице!

Ленни робко посмотрел на него.

– Джордж.

– Ну, чего тебе?

– Куда мы идем, Джордж?

Джордж рывком надвинул шляпу еще ниже на лоб и со злостью оглядел Ленни.

– Стало быть, ты уже все позабыл? Стало быть, начинай тебе все сначала втолковывать? Господи Боже, что за дубина!

– Я позабыл, – тихо сказал Ленни. – Но я старался не позабыть. Ей-богу, старался, Джордж.

– Ну ладно, ладно. Слушай. Ничего не поделаешь. Тебе хоть всю жизнь толкуй, ты все одно позабудешь.

– Я старался, очень старался, – сказал Ленни, – да ничего не вышло. Зато я про кроликов помню, Джордж.

– Какие, к черту, кролики! Ты только про кроликов и помнишь. Так вот. Слушай и на этот раз запомни крепко, чтоб у нас не было неприятностей. Помнишь, как мы сидели в этой дыре на Говард-стрит и глядели на черную доску?

Лицо Ленни расплылось в радостной улыбке.

– Конечно, Джордж. Помню... Но... что мы тогда сделали? Я помню, мимо шли какие-то девушки и ты сказал... сказал...

– Плевать, что я там такое сказал. Помнишь, как мы пришли в контору Мэрри и Рэди, где нам дали расчетные книжки и билеты на автобус?

– Конечно, Джордж. Теперь помню. – Он быстро сунул обе руки в карманы. Потом сказал тихо: – Джордж, у меня нет книжки. Я, наверно, ее потерял.

Он в отчаянье потупился.

– У тебя ее и не было, болван. Обе они у меня, вот здесь. Так я и отдам тебе твою книжку, жди. Как бы не так.

Ленни вздохнул с облегчением и улыбнулся.

– А я... я думал, она здесь.

И снова полез в карман.

Джордж подозрительно взглянул на него.

– Что это у тебя в кармане?

– В кармане – ничего, – схитрил Ленни.

– Знаю, что в кармане ничего. Теперь это у тебя в руке. Что у тебя в руке?

– Ничего, Джордж, честное слово.

– А ну, давай сюда.

Ленни спрятал сжатый кулак.

– Это же просто мышь, Джордж.

– Мышь? Живая?

– Ну да, мышь. Дохлая мышь, Джордж. Но я ее не убивал. Честное слово! Я ее нашел.

Так и нашел – дохлую.

– Подай сюда! – приказал Джордж.

– Пожалуйста, Джордж, не отбирай ее у меня.

– Подай сюда!

Ленни неохотно разжал кулак. Джордж взял мышь и швырнул ее далеко через заводь, на другой берег, в кусты.

– И на что тебе сдалась дохлая мышь?

– Я гладил ее пальцем, когда мы шли, – ответил Ленни.

– Не смей этого делать, когда ходишь со мной. Так ты запомнил, куда мы идем?

Ленни в растерянности уткнулся лицом в колени.

– Я опять позабыл.

– Вот наказание, – сказал Джордж со смирением. – Слушай же. Мы будем работать на ранчо, как там, на севере, откуда мы пришли.

– На севере?

– В Уиде.

– Ах да. Помню. В Уиде.

– Ранчо вон там, четверть мили отсюда. Мы придем туда и спросим хозяина. Слушай внимательно – я отдам ему наши расчетные книжки, а ты помалкивай. Стой себе и молчи. Ежели он узнает, какой ты полоумный дурак, мы останемся без работы, а ежели увидит, как ты работаешь, прежде чем ты рот откроешь, наше дело в шляпе. Понял?

– Конечно, Джордж. Конечно же, понял.

– Ладно. Так вот, стало быть, когда придем к хозяину, что ты должен делать?

– Я... я... – Ленни задумался. Лицо его стало напряженным. – Я... должен молчать.

Стоять и молчать.

– Молодец. Очень хорошо. Повтори это раза три, чтобы получше запомнить.

– Я должен молчать... Я должен молчать... Я должен молчать...

– Ладно, – сказал Джордж. – Да гляди не натвори чего-нибудь, как в Уиде.

На лице Ленни появилось недоумение.

– Как в Уиде?

– Так ты, стало быть, и про это забыл? Ладно уж, не буду тебе напоминать, а то, чего доброго, еще раз такую же штуку выкинешь.

Лицо Ленни вдруг стало осмысленным.

– Нас выгнали из Уида! – выпалил он с торжеством.

– Выгнали, как бы не так! – сказал Джордж с возмущением. – Мы сбежали сами. Нас разыскивали, но – ищи ветра в поле.

Ленни радостно хихикнул.

– Вот видишь, я не позабыл.

Джордж лег навзничь на песок и закинул руки за голову. Ленни тоже лег, подражая ему, потом приподнялся, желая убедиться, что все сделал правильно.

– О Господи! От тебя, Ленни, одни сплошные неприятности, – сказал Джордж. – Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось. И может, у меня была бы девчонка.

Мгновение Ленни лежал молча, потом сказал робко:

– Мы будем работать на ранчо, Джордж.

– Ладно. Это ты запомнил. А вот ночевать нынче будем здесь, у меня на это свои причины.

Быстро смеркалось. Долина утонула в тени, и лишь вершины гор были освещены солнцем. Водяная змейка скользнула по заводи, выставив голову над водой, словно крошечный перископ. Камыш колыхался, волнуемый течением. Где-то далеко, близ шоссе, послышался мужской голос и ему откликнулся другой. Ветки сикоморов зашелестели под легким порывом ветра, который сразу же стих.

– Джордж, а отчего бы нам не пойти на ранчо сейчас, к ужину? На ранчо ведь дают ужин.

Джордж повернулся на бок.

– Это не твоего ума дело. Мне здесь нравится. А работать начнем завтра. Я видел, как туда везли молотилки. Стало быть, предстоит ссыпать зерно в мешки, надрывать. А нынче я хочу лежать здесь и глядеть в небо. Хочу, и все тут.

Ленни привстал и поглядел на Джорджа.

– Так у нас не будет ужина?

– Нет, будет, ежели ты насобираешь хворосту. У меня есть три банки бобов. Разложим костер. Когда соберешь хворост, я дам тебе спичку. А потом подогреем бобы и поужинаем.

– Но я люблю бобы с перченым томатным соусом, – сказал Ленни.

– Нет у нас соуса. Собирай хворост. Да пошевеливайся, а то скоро совсем стемнеет.

Ленни неуклюже встал и исчез в кустах. Джордж лежал, тихонько посвистывая. В той стороне, куда ушел Ленни, послышался плеск. Джордж перестал свистеть и прислушался.

– Дурак полоумный, – сказал он тихо и снова засвистал.

Вскоре вернулся Ленни, продираясь сквозь кусты. Он нес в руке одну-единственную ивовую ветку. Джордж сел.

– Ну-ка, – сказал он сурово. – Подай мышь сюда!

Ленни с неожиданной смышленостью изобразил на лице недоумение.

– Какую мышь, Джордж? У меня нету никакой мыши.

Джордж протянул руку.

– Подай ее сюда. Меня ведь не проведешь.

Ленни робко попятился и бросил отчаянный взгляд на кусты, словно думал убежать.

Джордж сказал сурово:

– Подашь ты мне эту мышь или же хочешь, чтоб я задал тебе хорошую трепку?

– Что тебе подать, Джордж?

– Ты сам отлично знаешь, черт тебя возьми. Подай мне мышь.

Ленни неохотно полез в карман. Голос его дрогнул.

– А почему мне нельзя оставить ее себе? Она ведь ничья. Я ее не украл. Я просто нашел ее на дороге.

Джордж по-прежнему решительно протягивал руку. Медленно, как собачонка, которая несет хозяину палку, Ленни подошел, потом попятился, потом подошел снова. Джордж нетерпеливо щелкнул пальцами, и Ленни торопливо положил мышь ему в руку.

– Но я ведь ничего плохого не сделал, Джордж. Я просто ее гладил.

Джордж встал и зашвырнул мышь далеко, в темнеющий кустарник, потом подошел к реке и тщательно вымыл руки.

– Дурак полоумный. Неужто ты не понимаешь, – я увидел, что у тебя ноги мокрые, ведь ты ж ходил за ней через реку.

Он услышал, что Ленни заскулил, и обернулся.

– Ньюни распустил, как маленький? Ох ты, Господи! Такой здоровенный детина, и плачет. – Губы Ленни кривились, глаза были полны слез. – Ну же, Ленни! – Джордж положил руку ему на плечо. – Я отобрал ее у тебя не по злобе. Ведь эта мышь давным-давно уж издохла, Ленни, и, кроме того, ты, когда гладил ее, сломал ей хребет. Ну ничего, сыщешь другую мышь, живехонькую, и я, так уж и быть, позволю тебе оставить ее у себя ненадолго.

Ленни сел на землю и понурил голову.

– Я не знаю, где сыскать другую мышь. Помню, одна женщина отдавала мне мышей, как поймает. Но ее ведь здесь нету.

Джордж усмехнулся.

– Одна женщина? И ты не помнишь даже, кто она такая. А ведь это была твоя тетка Клара. Она потом перестала тебе их давать. Ты же всегда их убивал.

Ленни поднял голову и печально поглядел на Джорджа.

– Они были такие малюсенькие, – сказал он виновато. – Я их гладил, а потом они кусали меня за палец, и чуть только их ущипнешь, они сразу дохнут, потому что они такие малюсенькие. Поскорей бы у нас были кролики, Джордж. Они ведь не такие малюсенькие.

– К черту кроликов. Тебе нельзя давать живых мышей. Тетка Клара купила тебе резиновую мышь, но ее ты не захотел взять.

– Ее не так приятно гладить, – сказал Ленни.

Багрянец заката слинял с горных вершин, и сумерки сползли в долину, а меж ив и сикоморов уже царил полумрак. Крупный карп всплыл на поверхность заводи, глотнул воздуха и снова погрузился в таинственную темную воду, оставив на ее глади разбегающиеся круги. Листва снова зашелестела, и белый пух слетел с ив, опускаясь в воду.

– Приволокешь ты наконец хворосту? – спросил Джордж. – Вон у того сикомора целая куча сучьев, река принесла их туда в разлив. Тащи их скорей.

Ленни пошел к дереву и принес охапку сухих сучьев и листьев. Он бросил ее на старое кострище, сходил к дереву еще раз, потом еще. Была уже почти ночь. Над водой с шумом пролетел лесной голубь. Джордж подошел к куче и поджег листья. Сучья затрещали и занялись. Джордж развернул одеяло и вынул три банки бобов. Он поставил их у самого костра, но так, чтобы огонь их не касался.

– Этих бобов хватило бы на четверых, – сказал он.

Ленни смотрел на него, стоя по другую сторону костра. Он сказал умоляюще:

– Я люблю бобы с соусом.

– Но у нас нет соуса! – рассердился Джордж. – Вечно ты хочешь того, чего нету. Боже праведный, будь я один, я бы и горя не знал. Работал бы себе спокойно. Никаких забот, получал бы каждый месяц свои пятьдесят долларов, ехал в город и покупал, чего хотел. А ночь проводил бы с девчонками. И обедал бы, где хотел, в гостинице или еще где, и заказывал бы, чего только в голову взбредет. Каждый месяц. Брал бы целый галлон виски да играл бы в карты или же на бильярде.

Ленни присел на корточки и глядел вверх костра на рассерженного Джорджа. Лицо у него перекошилось от страха.

– А так, что у меня есть? – продолжал Джордж все яростней. – У меня есть ты! Никому-то ты не нужен, и через тебя я все время теряю работу. Через тебя я вечно мыкаюсь по стране. И это еще не самое худшее. Ты то и дело попадаешь в беду. Натворишь чего-нибудь, а я тебя

вызволяй. – Голос его возвысился почти до крика. – Ты полоумный сучий сын. Через тебя я все время как на иголках!

И он передразнил Ленни, как передразнивают друг друга маленькие девочки:

– «Я только хотел пощупать ее платье, только хотел погладить его, как мышку...» Но откуда ей, к чертовой матери, знать, что ты хотел только погладить ее платье? Она пробовала вырваться, но ты ухватил ее, как мыш. Она – в крик, и вот пришлось нам спрятаться да сидеть в оросительной канаве целый день, покуда нас искали, а когда стемнело, мы едва унесли ноги. И так всегда, всегда! Посадить бы тебя в клетку вместе с миллионом этих самых мышей, радуйся тогда сколько влезет!

И вдруг он перестал сердиться. Он глянул поверх костра на страдальческое лицо Ленни, а потом, устыдясь, стал смотреть на огонь.

Было уже совсем темно, но костер освещал стволы и кривые ветки деревьев. Ленни медленно и осторожно пополз на четвереньках вокруг костра, пока не очутился рядом с Джорджем. Он присел на корточки. Джордж повернул банки другим боком к огню. Он делал вид, будто не замечает Ленни.

– Джордж, – окликнул его Ленни едва слышно. Ответа не было. – Джордж.

– Ну чего тебе?

– Я просто пошутил, Джордж. Я не хочу соуса. Я бы не стал есть соуса, даже ежели б он был вот здесь, прямо передо мной.

– Если б он был, ты мог бы поесть.

– Но я не стал бы, Джордж. Весь отдал бы тебе. Ты залил бы им бобы, а я б к нему и не притронулся.

Джордж все так же угрюмо смотрел в огонь.

– Как подумаю о том, до чего хорошо мне жилось бы без тебя, рехнуться можно. А так у меня нет ни минуты покоя.

Ленни все еще сидел на корточках. Он поглядывал в темную даль за рекой.

– Джордж, ты хочешь, чтобы я ушел?

– Куда ты, на хрен, пойдешь?

– Вон туда, в горы. Найду какую-нибудь пещеру.

– Да? А жрать чего будешь? У тебя ведь не хватит соображения, даже чтоб сыскать себе жратву.

– Я могу что-нибудь сыскать, Джордж. Мне ведь не нужна вкусная еда с соусом. Буду лежать себе на солнышке, и никто меня не тронет. А ежели найду мыш, то оставлю ее себе. И никто ее не отнимет.

Джордж бросил на него быстрый испытующий взгляд.

– Я тебя обидел, да?

– Ежели я тебе не нужен, пойду в горы да сыщу пещеру. Могу хоть сейчас уйти.

– Нет... Послушай, Ленни, я просто пошутил. Конечно же, я хочу, чтоб ты остался со мной. Вся беда в том, что ты всегда давишь этих мышей. – Он помолчал. – Вот что я сделаю, Ленни. При первой возможности подарю тебе щенка. Может, его ты не задавишь. Щенок лучше, чем мыш. И гладить его можно крепче.

Но Ленни не поддался на удочку. Он понимал свое преимущество.

– Ежели я тебе не нужен, ты только скажи, я уйду туда, прямо в горы, и буду жить там один. И никто не отнимет у меня мыш.

Джордж сказал:

– Я хочу, чтоб ты остался со мной, Ленни. Господи, да ведь тебя кто-нибудь подстрелит, приняв за койота, если я тебя брошу. Нет уж, оставайся со мной. Твоя тетка Клара, покойница, огорчилась бы, когда б узнала, что ты остался один.

Ленни сказал лукаво:

– Расскажи мне... как тогда...

– Про что рассказать?

– Про кроликов.

– Не морочь мне голову, – огрызнулся Джордж.

– Ну, Джордж, расскажи. Пожалуйста, Джордж. Как тогда! – взмолился Ленни.

– Стало быть, тебе это нравится? Ну ладно, слушай, а уж потом будем ужинать...

Голос Джорджа потеплел, смягчился. Он произносил слова чуть нараспев, но быстро, – видимо, рассказывал об этом далеко не в первый раз.

– Люди, которые батрачат на чужих ранчо, самые одинокие на свете. У них нет семьи. У них нет дома. Придут они на ранчо, отработают свое, а потом – в город, денежки проматывать, и глядишь, уж снова плетутся куда-нибудь на другое ранчо. И в будущем у них ничего нет.

Ленни ловил каждое слово.

– Во-во, правильно. А теперь расскажи про нас.

Джордж продолжал:

– Но мы совсем не то, что они. У нас есть будущее. И тебе, и мне есть с кем поговорить, о ком позаботиться. Нам незачем сидеть в баре и накачиваться виски только потому, что больше деваться некуда. Иной человек, ежели попадает в тюрьму, может сгнить там, никто и пальцем не шевельнет. Другое дело – мы.

– Другое дело – мы! – подхватил Ленни. – А почему? Да потому... потому, что у меня есть ты, а у тебя есть я, вот почему. – Он радостно засмеялся. – Говори же, Джордж, говори!

– Но ведь ты и так все знаешь наизусть. Можешь и сам рассказать.

– Нет, расскажи ты. Вдруг я чего-нибудь позабуду. Расскажи, как это будет.

– Ну уж ладно. Когда-нибудь мы сколотим деньжат да купим маленький домик, несколько акров земли, корову, свиней, и...

– И будем сами себе хозяева! – воскликнул Ленни. – И заведем кроликов. Говори дальше, Джордж! Расскажи про наш сад, и про кроликов в клетках, и про дожди зимой, и про печь, и про то, какие густые сливки будем снимать с молока, так что их хоть ножом режь. Расскажи про это, Джордж.

– Отчего ты не расскажешь сам? Ведь ты все знаешь.

– Нет... расскажи ты. У меня так не выходит... Говори, Джордж. Про то, как я буду кормить кроликов.

– Так вот, – сказал Джордж. – У нас будет большой огород, и кролики, и цыплята. А зимой, в дождь, мы плюнем на работу, затопим печь, станем сидеть себе около нее да слушать, как дождь стучит по крыше... А, черт! – Он вынул из кармана перочинный нож. – Дальше некогда рассказывать. – Он вскрыл ножом одну жестянку и передал ее Ленни. Потом вскрыл вторую. Из бокового кармана он достал две ложки и одну дал Ленни.

Они уселись у костра и стали дружно жевать, набивая рты бобами. Несколько бобов выпали у Ленни изо рта.

Джордж ткнул в его сторону ложкой.

– Что ты скажешь завтра, когда хозяин спросит тебя о чем-нибудь?

Ленни перестал жевать и проглотил бобы, которые были у него во рту. Лицо его стало сосредоточенным.

– Я... я... буду молчать.

– Молодец! Вот это хорошо, Ленни. Кажется, ты становишься умнее. Когда у нас будет свое ранчо, я позволю тебе присматривать за кроликами. Особенно если ты все вот так же хорошо будешь помнить.

У Ленни дух захватило от радости.

– Я все буду помнить, – сказал он.

Джордж снова взмахнул ложкой.

– Послушай, Ленни. Оглядишься хорошенько вокруг. Можешь ты запомнить это место? Ранчо вот там, в четверти мили отсюда. Нужно все время идти вдоль реки.

– Конечно, – сказал Ленни. – Я могу запомнить. Разве я не запомнил, что нужно молчать?

– Конечно, запомнил. Так вот, Ленни, если ты чего натворишь, как раньше, сразу же бегом сюда, чтоб спрятаться в кустах.

– Спрятаться в кустах, – медленно повторил Ленни.

– Да, спрятаться в кустах и ждать меня. Можешь это запомнить?

– Конечно, могу, Джордж. Спрятаться в кустах и ждать тебя.

– Но гляди, ничего не натвори, потому что иначе я не позволю тебе кормить кроликов. Он швырнул пустую жестянку в кусты.

– Я ничего не натворю, Джордж. Я буду молчать.

– Ладно. Тащи свое одеяло к костру. Здесь хорошо спать. Видны небо и листья. Не подбрасывай больше хворосту. Пускай костер помаленьку угасает.

Они расстелили одеяла на песке. Костер догорал, и круг света суживался; кривые ветки исчезли в темноте, и вокруг смутно маячили лишь толстые стволы. Ленни спросил:

– Джордж, ты спишь?

– Нет. Чего тебе?

– Давай заведем всяких кроликов, Джордж, разных мастей.

– Само собой, – отозвался Джордж сонным голосом. – Красных, и синих, и зеленых кроликов, Ленни. Мильоны всяких кроликов.

– И чтоб они были пушистые, Джордж, такие, каких я видел на ярмарке в Сакраменто.

– Да, пушистые, известное дело.

– Но ведь я могу и уйти, Джордж, буду жить в пещере.

– И к черту тоже можешь уйти, – сказал Джордж. – А теперь заткни глотку.

Раскаленные уголья постепенно тускнели. За рекой, в горах, завыл койот, и с другого берега отозвалась собака. Листья сикоморов шелестели под легким ночным ветерком.

II

Барак был длинный, прямоугольником. Стены внутри побеленные, пол некрашенный. В трех стенах были маленькие квадратные оконца, а в четвертой – тяжелая дверь с деревянной щеколдой. По стенам стояли восемь коек, пять из них были застелены одеялами, а на трех валялись лишь холстинные тюфяки. Над каждой койкой был прибит ящик из-под яблок, так что получалась как бы полка для вещей постояльца. И полки эти были завалены всякой всячиной – мылом и пачками талька, бритвами и ковбойскими журналами, которые на ранчо так любят читать, и хотя смеются над ними, но втайне верят каждому слову. А еще на полках были лекарства в пузырьках и гребни; кое-где на гвоздях, вбитых рядом, висели галстуки. В углу была черная чугунная печь, труба ее выходила наружу прямо через потолок. Посреди комнаты стоял большой квадратный стол, на нем валялись истрепанные карты, а вокруг вместо стульев были расставлены ящики.

Около десяти часов утра солнце заглянуло в одно из оконцев, бросив на пол пыльный сноп света, и в этом свете, словно яркие искры, закружились мухи.

Деревянная щеколда стукнула. Дверь отворилась, и вошел высокий сутулый старик. На нем были синие джинсы, в левой руке он держал большую швабру. За ним вошел Джордж, а за Джорджем Ленни.

– Хозяин ждал вас вчера вечером, – сказал старик. – Он здорово разозлился, когда вы не пришли, хотел поставить вас на работу еще нынче утром.

Он вытянул правую руку, и из рукава высунулась круглая, как палка, культя без кисти.
– Занимайте вон те две, – сказал он, указывая на койки возле печи.

Джордж шагнул вперед и бросил оба одеяла на мешок с соломой, служивший тюфяком. Он оглядел полку и взял с нее маленькую желтую баночку.

– Послушай, а это что такое?

– Не знаю, – ответил старик.

– Здесь написано «Лучшее средство от вшей, тараканов и других паразитов». Куда это ты нас привел? Нам совсем неохота разводить у себя этакую живность.

Старый уборщик сунул швабру под мышку, протянул руку и взял баночку.

– Вот какое дело, – сказал он, помолчав. – Последним здесь спал один кузнец, славный малый, и такой чистоплотный, каких поискать. Мыл руки даже после еды.

– Так где ж он набрался этой дряни? – Джордж постепенно закипал злобой. Ленни положил свой сверток на соседнюю койку и сел. Он глядел на Джорджа открыв рот.

– Вот какое дело, – сказал старик. – Этот самый кузнец, Уити, был такой чудак, что сыпал порошок, даже ежели клопов не было – просто так, для верности, понимаешь? И еще вот что делал... Всегда чистил за столом вареную картошку и каждое пятнышко с нее соскребал, прежде чем съесть. И ежели на крутом яйце бывали красные пятнышки, он их тоже соскребал. Он и ушел отсюда из-за харчей. Вот он какой был чистоплотный и наряжался каждое воскресенье, даже если никуда не шел, галстук и то наденет, а потом сиднем сидит здесь, в бараке.

– Что-то не верится, – сказал Джордж подозрительно. – Из-за чего, говоришь, он ушел?

Старик положил баночку в карман и потер тыльной стороной ладони свои щетинистые щеки.

– Ну... просто ушел... как все люди уходят... Сказал, что из-за харчей. Наверно, хотел место переменить. Ни об чем другом не сказал, только об харчах. Просто однажды вечером говорит: «Давайте расчет», – как и все люди.

Джордж поднял тюфяк и заглянул под него. Наклонившись, он внимательно осмотрел холстину. Ленни тотчас встал и сделал то же самое. Джордж наконец как будто успокоился. Он развернул свой сверток и положил на полку бритву, кусочек мыла, гребень, пузырек с какими-то пилюлями, мазь и ремень. Потом аккуратно застелил койку одеялом. Старик сказал:

– Хозяин, наверно, сейчас придет. Ну и разозлился же он нынче утром, когда узнал, что вас нет. Мы в ту пору как раз завтракали, а он приходит и говорит: «Где же эти новые, черт бы их взял?» И конюху от него крепко досталось.

Джордж расправил складку на одеяле и сел.

– Конюху досталось? – переспросил он.

– Ну да. Понимаешь, конюх у них негр.

– Негр?

– Ну да. Славный малый. С тех пор как его лошадь лягнула, он стал горбун. Хозяин всегда на нем зло срывает. Но ему на это плевать. Он все читает книжки. У него пропасть этих самых книжек.

– А ваш хозяин что за человек? – спросил Джордж.

– Славный малый. Иногда, правда, зверь зверем, а так ничего, славный малый. Знаешь, что он сделал на Рождество? Принес галлон виски и говорит: «Пей, ребята, вволю. Рождество бывает раз в году».

– Вот это здорово! Цельный галлон?

– Да, брат. Ну и потеха пошла. Негра тоже сюда позвали. Хилый погонщик, Кузнечик по прозвищу, стал приставать к негру. Вот дело было! Ребята не позволили ему бить ногами, и негр кое-как уцелел. Кузнечик говорит, что убил бы негра, ежели б ему позволили бить

ногами. Но ребята сказали, что раз негр горбатый, ногами бить нельзя. – Он замолчал, припоминая. – А потом они поехали в Соледад и здорово там нашумели. Я не поехал. Где уж мне на старости лет.

Ленни тем временем застелил свою койку. Деревянная щеколда поднялась, и дверь отворилась. Вошел маленький, коренастый человек и остановился на пороге. На нем были синие джинсы, фланелевая рубашка, черный незастегнутый жилет и такой же черный пиджак. Большие пальцы он заткнул за пояс по обе стороны от квадратной стальной пряжки. На голове у него была засаленная широкополая шляпа, на ногах – башмаки на высоких каблуках и со шпорами, которые он носил, чтобы показать, что он не бездельничает.

Старик, увидев его, сразу попятился к двери, шаркая ногами и потирая на ходу щеку.

– Эти двое только что пришли, – сказал он и проскользнул мимо хозяина за дверь.

Хозяин вошел в комнату, мелко шагая толстыми ногами.

– Я написал Мэрри и Рэди, что мне нужны два человека сегодня с утра. Документы при вас?

Джордж полез в карман, достал два листка и протянул их хозяину.

– Выходит, Мэрри и Рэди ни при чем. Здесь написано, что вы должны выйти на работу сегодня с утра.

Джордж глядел себе под ноги.

– Шофер автобуса завез нас не в ту сторону, – сказал он. – Пришлось тащиться пешком десять миль. Он сказал, что это рядом, а оказывается, вон как далеко. И попутных машин все утро не было.

Хозяин прищурил глаза.

– Пришлось послать в поле на двух человек меньше. Теперь уж до обеда вам нету смысла идти.

Он достал из кармана записную книжку и открыл ее там, где она была заложена карандашом. Джордж бросил на Ленни многозначительный взгляд, и Ленни кивнул, показывая, что понял. Хозяин послюнил карандаш.

– Имя, фамилия?

– Джордж Милтон.

– А ты?

– Он – Ленни Малыш.

Хозяин записал обоих в книжку.

– Так вот, сегодня у нас двадцатое число, полдень. – Он закрыл книжку. – А раньше вы где работали?

– Неподалеку от Уида.

– И ты тоже? – спросил хозяин, обращаясь к Ленни.

– Да, и он тоже, – сказал Джордж.

Хозяин с усмешкой указал на Ленни:

– Он, кажется, не очень-то разговорчивый?

– Не очень, зато работающий. И силен как бык.

Ленни улыбнулся.

– Силен как бык, – повторил он.

Джордж бросил на него свирепый взгляд, и Ленни, пристыженный, понурил голову.

Вдруг хозяин сказал:

– Послушай-ка, Малыш. – Ленни поднял голову. – Что ты умеешь делать?

Ленни испуганно поглядел на Джорджа, ожидая помощи.

– Он умеет делать все, что ему велят, – сказал Джордж. – Хорошо управляется с лошадьми. Может ссыпать зерно в мешки, пахать и боронить землю. Словом, он все умеет. Вы его только испробуйте.

Хозяин повернулся к Джорджу.

– Так чего ж ты ему не даешь самому сказать? Голову мне морочишь?..

Джордж громко перебил его:

– Я же не говорю, что у него ума палата. Нет. Я говорю только, что он работник, каких днем с огнем не сыщешь. Может поднять кипу хлопка весом в добрых четыреста фунтов.

Хозяин тщательно спрятал записную книжку в карман. Он засунул большие пальцы рук за пояс и прищурил один глаз.

– Слышь, чего это ради ты его расхваливаешь?

– А?

– Я спрашиваю, что тебе за дело до этого малого. Ты небось прикарманиваешь его денежки?

– Да нет же, что вы. С чего вы взяли, что я его расхваливаю?

– Сроду не видал, чтоб кто-нибудь из вашего брата так заботился о другом. Я просто хочу знать, какая тебе от этого выгода?

– Он мой... мой двоюродный брат, – сказал Джордж. – Я обещал его мамаше за ним присматривать. Его в детстве лошадь лягнула в голову. Но он малый ничего, хоть и глуп. Может делать все, что ему велят.

Хозяин уже повернулся к двери.

– Ну что ж, видит Бог, не надобно большого ума, чтоб ссыпать ячмень в мешки. Но смотри, не вздумай морочить меня, Милтон. Я вижу, за тобой нужен глаз да глаз. Отчего вы ушли из Уида?

– Работа кончилась, – поспешно ответил Джордж.

– Какая работа?

– Мы... мы рыли сточную яму.

– Ладно. Только не вздумай меня морочить, тебе это даром не пройдет. Видывал я таких умников. После обеда выйдете на работу вместе со всеми, будете ссыпать ячмень в мешки у молотилки. Под началом у Рослого.

– У Рослого?

– Да. Такой высокий, здоровенный детина. Увидите его за обедом.

Он снова повернулся и пошел к двери, но прежде чем выйти, оглянулся и долго смотрел на обоих.

Когда его шаги замерли в отдалении, Джордж напустился на Ленни:

– Ты должен был молчать! Не разевать свою пасть и предоставить мне разговаривать. Через тебя мы чуть работу не потеряли!

Ленни уныло смотрел в пол.

– Я позабыл, Джордж.

– Позабыл! Ты всегда все забываешь, а я должен тебя вызволять. – Джордж тяжело плюхнулся на койку. – А теперь он будет за нами присматривать! Теперь надо глядеть в оба, не дай Бог промашку сделать. Теперь уж не смей и рта раскрыть.

Он угрюмо умолк.

– Джордж...

– Ну, чего тебе еще?

– Но ведь лошадь не лягнула меня в голову, правда, Джордж?

– И очень жаль, – сказал Джордж со злостью. – Это всех избавило бы от хлопот.

– А еще ты сказал, что я твой двоюродный брат, Джордж.

– Конечно, это неправда. К моему счастью. Будь я твоим родичем, я давно пустил бы себе пулю в лоб. – Он вдруг замолчал, быстро подошел к двери и выглянул наружу. – А ты какого дьявола здесь подслушиваешь?

Старик медленно вошел в барак. В руке он держал швабру. Следом за ним, ковыляя, вошла овчарка с седой мордой и блеклыми, ослепшими от старости глазами. Овчарка добрела до стены и улеглась, тихо ворча и вылизывая свою седую, изъеденную блохами шкуру. Старик глядел на нее, пока она не улеглась.

– Я не подслушивал. Просто остановился на минутку в тени и погладил собаку. Я только что кончил прибираться в умывальной.

– Нечего совать нос в наши дела, – сказал Джордж. – Терпеть не могу любопытных.

Старик забеспокоился, перевел взгляд с Джорджа на Ленни, потом снова на Джорджа.

– Я только что подошел, – сказал он. – Не слышал ни слова, об чем вы тут говорили. Меня это вовсе не интересует. У нас на ранчо никогда не подслушивают и не задают вопросов.

– И хорошо делают, – сказал Джордж, смягчившись. – А не то и вылететь недолго.

Но старик снова заверил его, что и не думал подслушивать.

– Сядь, посиди с нами, – сказал Джордж. – Какая старая у тебя собака.

– Да. Я взял ее еще щенком. Хорошая была овчарка.

Он поставил швабру у стены и тыльной стороной ладони потер белую щетину на щеке.

– Ну, как вам показался хозяин? – спросил он.

– Ничего. Хороший человек.

– Славный малый, – согласился старик. – Он только с виду такой сердитый.

В барак вошел молодой мужчина; он был худощав, смуглолиц, с карими глазами и густыми вьющимися волосами. На левой руке у него была рукавица, а на ногах, как и у хозяина, – башмаки с высокими каблуками.

– Не видали моего старика? – спросил он.

– Он только что был здесь, Кудряш, – сказал уборщик. – Наверно, пошел на кухню.

– Пойду догоню его, – сказал Кудряш.

Но тут он заметил незнакомых людей и остановился. Он злобно поглядел на Джорджа, потом на Ленни. Руки его медленно согнулись в локтях, кулаки сжались. Он весь напрягся и слегка присел. Теперь он бросил на них одновременно оценивающий и вызывающий взгляд. Ленни съежился под этим взглядом и робко переминался с ноги на ногу. Кудряш с опаской подошел к нему поближе.

– Вы, стало быть, и есть те новенькие, которых ждал мой старик?

– Мы только что пришли.

– Пусть говорит вот этот верзила.

Ленни в растерянности съежился еще больше.

– А если он не хочет говорить? – сказал Джордж.

Кудряш резко повернулся к нему.

– Богом клянусь, я заставлю этого верзилу отвечать, когда его спрашивают. А ты-то чего суешься?

– Мы с ним вместе работаем, – сказал Джордж угрюмо.

– Вот как!

Джордж весь напрягся, но не двинулся с места.

– Да, вот так.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, не зная, что делать.

– И ты не позволяешь ему говорить, что ли?

– Пускай говорит, если хочет чего сказать.

– Мы только что пришли, – тихо сказал Ленни.

Кудряш, сразу успокоившись, поглядел на него.

– Так вот, в другой раз отвечай, когда тебя спрашивают.

Он повернулся и вышел. Руки его все еще были слегка согнуты в локтях.

Джордж проводил его взглядом, потом посмотрел на старика.

– Слушай, какого черта ему надо? Ленни ему ничего не сделал.

Старик опасливо покосился на дверь, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто.

– Это хозяйский сын, – сказал он тихо. – Ловко дерется. Боксом занимался. Выступал в легком весе, лихо дрался.

– Ну и пусть, – сказал Джордж. – Нечего ему приставать к Ленни. Ленни ему ничего не сделал. Что он имеет против него?

Старик подумал немного.

– Ну... вот какое дело... Кудряш, как и многие, которые малы ростом, терпеть не может здоровых парней. Так и лезет в драку. Видно, они его бесят, потому что сам он низкорослый. Ты, наверно, не раз видел таких. Все время задираются.

– Конечно, – сказал Джордж. – Я много перевидал такой мелюзги. Но этот Кудряш пусть лучше не думает, что Ленни ему спустит. Ленни не очень-то ловкий, но этому сопляку крепко достанется, ежели он ввяжется в драку с Ленни.

– Ну, Кудряш ужас какой ловкий, – с сомнением сказал старик. – Я всегда считал, что он не по справедливости поступает. Положим, Кудряш пристанет к такому вот здоровяку и вздует его. Тогда всякий скажет: «Какой молодчина этот Кудряш». Ну, а положим, он пристанет и его самого вздуют. Тогда все скажут – вот связался черт с младенцем, и, может, даже всем скопом вздуют того, здоровенного. Я всегда считал, что это не по справедливости. А только Кудряш никому не дает спуску.

Джордж посмотрел на дверь и сказал с угрозой:

– Ну, пускай лучше держится от Ленни подальше. Ленни не драчун, но он сильный и не знает этих ихних правил.

Он подошел к столу и сел на один из ящиков. Собрал карты, стасовал их.

Старик присел на другой ящик.

– Не говори Кудряшу, что я тебе про него рассказывал. А то он с меня шкуру спустит. Ему что! Его-то не выгонят, он ведь хозяйский сынок.

Джордж стасовал колоду и начал переворачивать карты, глядя на каждую и бросая ее в кучу.

– Сдается мне, что этот Кудряш – просто сучий сын, – сказал он. – Не люблю такую вот злобную мелюзгу.

– Он еще хуже стал в последнее время, – сказал старик. – Женился недели две назад. Живет с женой в хозяйском доме. Кудряш, с тех пор как женился, совсем осатанел.

– Может, перед женой храбрость свою показать хочет, – проворчал Джордж.

Старик обрадовался случаю посплетничать.

– Видал рукавицу у него на левой руке?

– Да. Видал.

– Так вот, она вся пропитана вазелином.

– Вазелином? На кой шут?

– Вот дело какое... Кудряш говорит, что эту руку он для своей супружницы умягчает.

Джордж внимательно рассматривал карты.

– И не стыдно ему про это языком трепать!

Старик оживился. Он все-таки заставил Джорджа сказать плохое о хозяйском сынке. Теперь ему нечего было опасаться, и он разоткровенничался.

– Вот погоди, увидишь его супружницу.

Джордж снова стасовал карты и стал медленно, старательно раскладывать пасьянс.

– Хорошенькая? – спросил он небрежно.

– Да, хорошенькая. Но...

Джордж внимательно рассматривал карты.

– Что «но»?

– Мужчинам куры строит.

– Да ну? Две недели как замуж выскочила и уже куры? Может, поэтому Кудряш и осатанел?

– Я видел, как она с Рослым это самое. Рослый у нас – старший возчик. Славный малый. Ему не надобно носить башмаки на высоких каблуках, чтоб его слушались. Так вот, я видел, как она с ним пробовала. А Кудряш не видел. И с Карлсоном тоже.

Джордж притворился, будто ему это неинтересно.

– Кажется, предстоит потеха.

Старик встал с ящика.

– Знаешь, что мне сдается? – Джордж не ответил. – Сдается мне, что Кудряш женился на... потаскушке.

– Не он первый, не он последний, – отозвался Джордж.

Старик поплелся к двери. Его старая собака подняла голову и огляделась, потом с трудом встала на ноги, собираясь идти за ним.

– Надо налить для ребят воду в умывальник. Они скоро придут. Вы ячмень ссыпать будете?

– Да.

– Смотрите же, не говорите ничего Кудряшу.

– Само собой, не скажем.

– Так вот, ты приглядишься к ней. Сам увидишь, потаскушка она или же нет.

Он вышел за дверь на яркий солнечный свет.

Джордж задумчиво раскладывал карты по три. Потом прикрыл тузы четверкой треф. Сноп солнечных лучей падал теперь на пол, и мухи проносились сквозь него, как искры. Снаружи послышалось позвякивание сбруи и кряхтение тяжело груженных повозок. Издали донесся звонкий крик:

– Конюх, эй, конюх! Куда запропастился этот черномазый?

Джордж посмотрел на свой пасьянс, потом смешал карты и повернулся к Ленни. Ленни лежал на койке и глядел на него.

– Слышишь, Ленни! Неладно здесь. Я что-то опасаюсь. Из-за этого Кудряша ты попадешь в беду. Видал я таких. Он вроде бы тебя прощупывал. Решил, что ты испугался, и теперь при первом случае станет бить.

Глаза у Ленни расширились от страха.

– Не хочу я попасть в беду, – сказал он жалобно. – Не давай ему бить меня, Джордж.

Джордж встал, подошел к Ленни и сел на его койку.

– Терпеть не могу таких гадов, – сказал он. – Я их много перевидал. Как сказал этот старик, Кудряш ничем не рискует. Он всегда в выигрыше. – Джордж помолчал, размышляя. – Если он будет к тебе приставать, Ленни, придется нам отсюда уйти. Это яснее ясного. Он – хозяйский сынок. Слышишь, Ленни? Постарайся держаться от него подальше, ладно? Никогда с ним не разговаривай. Если он придет сюда, сразу уходи в другой конец комнаты. Ладно, Ленни?

– Не хочу попасть в беду, – скулил Ленни. – Я его не трогал.

– Ну, это не поможет, если Кудряш захочет показать свою храбрость. Просто не имей с ним никакого дела. Запомнишь?

– Конечно, Джордж. Я должен молчать.

Шум приближался, нарастал – стук копыт по твердой земле, скрип колес и позвякивание упряжи. Люди перекликались меж собой. Джордж, сидя на койке подле Ленни, в задумчивости хмурился. Ленни спросил робко:

– Ты не сердись, Джордж?

– На тебя – нет. Сержусь на этого подлого Кудряша. Я надеялся, что мы заработаем здесь хоть сотню долларов. – В голосе его зазвучала решимость. – Держись подальше от Кудряша, Ленни.

– Конечно, Джордж. Я буду молчать.

– Не допускай, чтоб он втравил тебя в драку, но уж если этот сучий сын полезет к тебе, дай ему хорошенько.

– Что ему дать, Джордж?

– Ну ладно, это не важно. Я тебе тогда скажу. Не переносу этаких подлецов. Слышь, Ленни, ежели случится беда, ты помнишь, что я велел тебе сделать?

Ленни приподнялся на локте. Лицо его стало напряженным. Потом он печально посмотрел Джорджу в глаза.

– Ежели случится беда, ты не позволишь мне кормить кроликов.

– Да я не об том. Помнишь, где мы сегодня ночевали? Ну, возле реки?

– Да. Помню. Ну конечно, помню! Я должен побежать туда и спрятаться в кустах.

– И сиди там, покуда я за тобой не приду. Только чтоб тебя никто не видал. Спрячешься в кустах у реки. Повтори.

– Спрячусь в кустах у реки, в кустах у реки.

– Ежели случится беда.

– Ежели случится беда.

Снаружи заскрипела повозка. Раздался крик:

– Ко-о-нюх! Э-э-й, конюх!

Джордж сказал:

– Повторяй это время от времени про себя, Ленни, чтоб не позабыть.

Оба подняли головы, потому что прямоугольник света в дверях вдруг померк. На пороге стояла молодая женщина. У нее были полные, ярко накрашенные губы и большие, сильно подведенные глаза. Ногти были ярко-красные. Волосы ниспадали мелкими локонами, похожими на колбаски. На ней было бумажное домашнее платье и красные домашние туфли, над которыми торчали пучки красных страусовых перьев.

– Я ищу Кудряша, – сказала она.

Голос у нее был какой-то ломкий и чуть в нос.

Джордж отвернулся, потом снова поглядел на нее.

– Он был здесь минуту назад, но куда-то ушел.

– А! – Она заложила руки за спину и прислонилась к дверному косяку, слегка пригнув голову. – Вы – новенькие. Только что пришли, да?

Ленни оглядел ее с головы до ног, и хотя она, казалось, не смотрела на него, едва заметно приподняла голову. Потом поглядела на свои ногти.

– Кудряш иногда заходит сюда, – объяснила она.

– Но сейчас его здесь нету, – сказал Джордж решительно.

– Если нету, поищу где-нибудь еще, – сказала она игриво.

Ленни смотрел на нее как замороженный.

– Если я его увижу, то скажу, что вы его искали, – проговорил Джордж.

Она лукаво улыбнулась и качнулась вперед всем телом.

– Что ж, мне его уж и поискать нельзя? – сказала она.

Позади нее раздалась шаги. Она обернулась.

– А, Рослый, здравствуй, – сказала она.

За дверью послышался голос Рослого:

– Здравствуй, красуля.

– Я ищу Кудряша.

– Ну, не очень-то ты стараешься его найти. Я видел, как он пошел домой.

Она вдруг забеспокоилась.

– Пока, ребята, – бросила она через плечо и поспешила прочь.

Джордж посмотрел на Ленни.

– Господи, ну и штучка, – сказал он. – Так вот какую супружницу выбрал себе Кудряш.

– Она хорошенькая, – вступился за нее Ленни.

– Да, и, конечно, не прочь этим попользоваться. У Кудряша еще будет с ней хлопот полон рот. Провалиться мне, ежели ее не сманят за двадцать долларов.

Ленни все смотрел на дверь, возле которой она только что стояла.

– Ей-ей, она хорошенькая.

Он восторженно улыбнулся.

Джордж быстро взглянул на Ленни и сильно дернул его за ухо.

– Слышь, ты, дурак полоумный, – сказал он со злобой. – Не смей даже глядеть на эту суку. Что бы она ни сделала и что бы ни сказала! Я видел чертову пропасть этих паскуд, но этакой подлой шкуры еще не видывал. Держись от нее подальше.

Ленни попытался освободить ухо.

– Я ничего не сделал, Джордж.

– Известно, не сделал. Но когда она стояла у двери и выставила напоказ свои ноги, ты не отвернулся.

– Я ничего плохого не думал, Джордж. Честное слово, не думал.

– Так вот, держись от нее подальше, потому что через нее в два счета пропадешь, если я вообще чего-нибудь смыслю. Пускай Кудряш отдувается. Он сам виноват. Перчатка с вазелином! – сказал Джордж презрительно. – Я уверен, он и сырые яйца глотает да выписывает по почте всякие патентованные снадобья.

– Мне здесь не нравится, Джордж! – воскликнул вдруг Ленни. – Это плохое место. Я хочу уйти отсюда.

– Ничего не поделаешь, Ленни. Надо обождать, куда денег не заплатят. Мы уйдем, как только можно будет. Мне самому здесь нравится не больше, чем тебе. – Он вернулся к столу и снова стал раскладывать пасьянс. – Нет, не нравится мне здесь, – сказал он. – И я сам убрался бы отсюда с превеликим удовольствием. Вот только сколотим сколько-нибудь денег, и непременно уйдем, доберемся до верховий Миссисипи и станем там золото мыть. Может, будем тогда зарабатывать по несколько долларов в день и набьем себе карманы.

Ленни живо наклонился к нему.

– Уйдем, Джордж. Уйдем отсюда. Здесь плохо.

– Придется обождать, – обронил Джордж отрывисто. – А теперь помолчи. Сюда идут. Из умывальной послышался плеск воды и звон тазов. Джордж разглядывал карты.

– Пожалуй, не мешало бы и нам умыться, – сказал он. – Но мы ведь не пачкались.

В дверях появился высокий человек. Под мышкой он держал измятую шляпу, а свободной рукой расчесывал длинные черные мокрые волосы. Как и все, он носил синие джинсы и короткую бумазейную куртку. Причесавшись, он вошел в комнату с достоинством, с каким входит только король или подлинный мастер своего дела. Это был старший возчик, король ранчо, который мог управлять разом десятью, шестнадцатью, а то и двадцатью мулами. Он мог убить кнутом муху на крупе коренника, не причинив ему ни малейшей боли. Держался он так спокойно и величественно, что стоило ему заговорить, и все сразу же умолкали. Авторитет его был до того велик, что ему принадлежало решающее слово во всяком деле, будь то политика или любовное приключение. Это был Рослый, старший возчик. Его продолговатого лица, казалось, не коснулись годы. Ему можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят. Он умел угадывать недосказанное, говорил медленно и веско, с глубоким пониманием дела. Руки его, длинные и тонкие, всегда двигались изящно, как у танцовщицы.

Он разгладил мятую шляпу, свернул ее и швырнул на стол. Потом дружелюбно посмотрел на двоих незнакомцев.

– На дворе солнце всю светит, – сказал он приветливо. – А здесь ни зги не видать. Вы – новые?

– Только что пришли, – ответил Джордж.

– Будете ссыпать ячмень?

– Так велел хозяин.

Рослый сел на ящик напротив Джорджа. Он оглядел пасьянс, лежавший к нему вверх ногами.

– Надеюсь, вы будете работать со мной, – сказал он дружелюбно. – А то у меня есть там несколько молокососов, которые не отличат мешка с ячменем от воздушного шара. Вы, ребята, когда-нибудь ссыпали ячмень?

– А как же, – сказал Джордж. – Мне-то, правда, хвастаться нечем, но вот этот малый может один ссыпать больше зерна, чем иные вдвоем.

Ленни, который слушал разговор и переводил взгляд с одного на другого, самодовольно улыбнулся, услышав эту похвалу. Рослый одобрительно посмотрел на Джорджа – ему эта похвала тоже понравилась. Потом он наклонился над столом и взял за уголок карту, лежавшую в стороне.

– Вы, ребята, всегда работаете вместе?

Говорил он все так же дружески. Он располагал к откровенности, хоть и не был назойлив.

– Ну да, – сказал Джордж. – Помогаем друг другу. – Он указал на Ленни пальцем. – Ленни у меня не шибко-то соображает. Но работает – будь здоров. Славный малый, только вот не соображает. Я его давно знаю.

Рослый поглядел куда-то мимо Джорджа.

– У нас люди редко друг друга держатся, – сказал он задумчиво. – Не знаю почему. Может, в этом проклятом мире все боятся друг друга.

– Вдвоем куда лучше, – сказал Джордж.

В комнату вошел пузатый толстяк. С головы его еще стекала вода после умывания.

– Привет, Рослый, – сказал он и замолчал, разглядывая Джорджа и Ленни.

– Эти ребята только что пришли, – сказал Рослый, тем самым как бы представив их.

– Рад познакомиться, – сказал вошедший. – Я – Карлсон.

– Я – Джордж Милтон. А это вот – Ленни Малыш.

– Рад познакомиться, – повторил Карлсон. – Не такой уж он малыш. – И он тихонько рассмеялся своей шутке. – Никак не малыш, – сказал он. – Я у тебя вот что хотел спросить, Рослый. Как там твоя собака? Я видел ее нынче утром под повозкой.

– Она ошенилась вчерашней ночью, – ответил Рослый. – Девять щенков. Четверых я сразу же утопил. Ей столько все равно не выкормить.

– Выходит, осталось пять?

– Да, пять. Самые крупные.

– А как думаешь, хорошие из них вырастут собаки?

– Не знаю, – сказал Рослый. – Наверное, овчарки. Когда у нее была течка, тут вокруг все больше кобели из породы овчарок вертелись.

– Стало быть, у тебя пять щенков, – продолжал Карлсон. – Думаешь всех себе оставить?

– Не знаю. Подержу их покуда у себя, пускай пососут Лулу.

– Слышь, Рослый, – задумчиво сказал Карлсон. – Я вот чего думаю. Собака у нашего старого уборщика Плюда Пудинга совсем старая, еле лапы волочит. Да и разит от нее псиной до невозможности. Зайдет она сюда, – потом два, а то и три дня вонь не выветривается. Пущай Плюм ее пристрелит, и дадим ему щенка, он ведь вырастет. А эту суку я за милю

чую. Зубов нету, почти слепая, жрать и то не может, Плюм ее молоком поит. Остальное ей не по зубам.

Джордж не сводил глаз с Рослого. На дворе начали бить в железный рельс, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее, пока эти удары не слились в сплошной звон. Звон прекратился так же внезапно, как и начался.

– Ну, конец, – сказал Карлсон.

За дверью раздались громкие голоса, и мимо прошла группа мужчин.

Рослый встал медленно, с достоинством.

– Пошли, ребята, тут зевать не приходится. Через две минуты не останется ни крошки.

Карлсон посторонился, пропуская Рослого вперед, и оба вышли на двор.

Ленни с тревогой смотрел на Джорджа. Джордж смешал карты в кучу.

– Да, – сказал Джордж. – Я слышал, Ленни. Я его попрошу.

– Белого с коричневыми пятнами! – воскликнул Ленни.

– Пошли обедать. Не знаю, право слово, есть ли у него белый с коричневыми пятнами.

Ленни неподвижно сидел на своей койке.

– Попроси его сейчас, Джордж, а то он и этих тоже утопит.

– Само собой. А теперь пойдем, вставай же, наконец.

Ленни спрыгнул с койки, и оба пошли к двери. Когда они подошли к порогу, в барак ворвался Кудряш.

– Вы не видали здесь женщину? – спросил он вызывающе.

– Заходила с полчаса назад, – ответил Джордж.

– Какого дьявола ей здесь было надо?

Джордж стоял, спокойно глядя на разъяренного мужчину. Он ответил дерзко:

– Сказала, что вас ищет.

Кудряш словно вдруг увидел Джорджа впервые. Он сверкнул глазами, смерил его взглядом, прикинул расстояние, оглядел его ладную фигуру.

– Ну и куда же она пошла? – спросил он наконец.

– Почем мне знать, – сказал Джордж. – Я ей вслед не глядел.

Кудряш сердито взглянул на него, повернулся и быстро пошел к двери.

– Знаешь, Ленни, – сказал Джордж. – Боюсь, что мне придется самому свести счета с этим гадом. Не нравится мне его наглость. Боже правый! Ну ладно, пойдем. А то ведь нам эдак ничего и не достанется.

Они вышли на двор. Узкая полоска земли под окном была озарена солнцем. Издали доносился звон мисок.

Вскоре старая собака, прихрамывая, вошла в отворенную дверь. Она поглядела вокруг своими добрыми подслеповатыми глазами. Потом понюхала воздух, легла и положила голову на лапы.

Кудряш вернулся и теперь стоял, заглядывая в дверь. Собака вздрогнула, но как только Кудряш ушел, она снова уронила на лапы свою поседелую голову.

III

Хотя за окнами барака еще даже не начинало смеркаться, внутри было темно. Через открытую дверь слышались топот ног, одобрительные или насмешливые возгласы и звяканье – там играли в подкову.

Рослый и Джордж вдвоем вошли в темный барак. Рослый протянул руку над столом, где валялись карты, и зажег электрическую лампочку под жестяным абажуром. Стол залил яркий свет, отвесно отбрасываемый вниз конусом абажура, а по углам барака по-прежнему густела тьма. Рослый уселся на ящик. Джордж сел напротив него.

– Это не важно, – сказал Рослый. – Все равно мне пришлось бы почти всех утопить. Не за что и благодарить.

– Может, для тебя это и не важно, – сказал Джордж, – а для него это очень много значит. Ей-ей, не знаю, как и загнать его сюда на ночь. Он захочет спать со щенками в конюшне. Так и норовит залезть прямо к ним в ящик.

– Не важно, – повторил Рослый. – Ты про него верно сказал. Может, он и не больно много соображает, но работников таких я еще не видывал. Он, когда ссыпал зерно, чуть не до смерти замучил своего напарника. Никто не может за ним поспеть. Господи, первый раз вижу такого силача.

– Ленни только скажи, чего делать, – отозвался Джордж гордо, – и он все сделает, ежели только соображать не надобно. Сам он не соображает, что ж делать, зато старательно исполняет, чего ему велено.

Со двора послышалось звяканье подковы о железную стойку и негромкие одобрительные возгласы.

Рослый чуть отодвинулся от стола, чтобы свет не бил ему в глаза.

– Любопытно, что вы с ним всегда вместе.

Этими словами Рослый как бы вызывал Джорджа на откровенность.

– Что ж тут такого любопытного? – спросил Джордж напрямик.

– Сам не знаю. Люди редко живут так. Я, почитай, сроду не видал, чтоб двое вместе жили. Сам знаешь, как поступают работники на ранчо, – приходят, занимают койку, работают месяц, а потом берут расчет и уходят поодиночке. Им наплевать на других. Потому и любопытно, что безмозглого вроде него и такого умницу, как ты, водой не разольешь.

– Он не безмозглый, – сказал Джордж. – Он безответный, но не сумасшедший. Да и я не больно умен, иначе я не гнул бы здесь спину за несчастные полсотни долларов. Будь я умен или хоть малость смекалист, у меня было бы свое маленькое хозяйство, и я выращивал бы собственный урожай, заместо того, чтоб на других горбить.

Джордж наконец умолк. Он разговорился, ему хотелось говорить еще, а Рослый не поощрял его и в то же время не останавливал. Он просто сидел молча, готовый слушать.

– Это вовсе не любопытно, что мы с ним всегда вместе, – сказал Джордж после долгого молчания. – Мы оба родом из Оберна. Я знал его тетку Клару. Она взяла его к себе ребенком и вырастила. А когда тетка померла, Ленни стал работать со мной. И мы вроде бы привыкли друг к другу.

– Гм, – хмыкнул Рослый.

Джордж поглядел на Рослого и встретил его спокойный независимый взгляд.

– Любопытно! – сказал Джордж. – Я над ним немало измывался, любопытства ради. Разыгрывал с ним всякие шутки, он ведь такой робкий, что не может постоять за себя. Он даже не понимал, что над ним смеются. Вот я и забавлялся из любопытства. Ведь рядом с ним я выглядел бог весть каким умником. А он все делает, что я ему ни велю. Велю ему, скажем, залезть на самую вершину горы, и он полезет. Но потом все это стало не так уж любопытно. Он никогда не сердился. Я лупил его почем зря, а ведь он мог переломать мне все кости одной рукой, но никогда пальцем меня не тронул. – Голос Джорджа зазвучал проникновенно. – Я тебе скажу, почему я перестал над ним надсмехаться. Как-то раз на берегу реки Сакраменто собралась толпа. Я разыгрывал из себя умника. Поворачиваюсь к Ленни да говорю: «Прыгай в воду». И он прыгнул. А плавает он как топор. Чуть не утоп, покуда мы его вытащили. И он был так благодарен нам. Совсем позабыл, что я же и велел ему в воду прыгнуть. Ну, больше я такого не делал.

– Он добрый малый, – сказал Рослый. – Для этого ума не надо. Мне иной раз даже кажется, что чаще бывает наоборот. Взять по-настоящему умного человека – такой редко окажется добрым.

Джордж собрал в колоду разбросанные карты и принялся раскладывать пасьянс. Снаружи послышался звук шагов. В квадратах окон серели вечерние сумерки.

– У меня ни роду ни племени, – сказал Джордж. – Я много видал людей, которые ходят с ранчо на ранчо в одиночку. Что ж тут хорошего? Тоска смертная. Да и совсем озвереть недолго. Глотку друг другу готовы перегрызть.

– Да, такие звереют, – согласился Рослый. – Ни с кем и разговаривать по-человечески не хотят.

– Правда, с Ленни хлопот не оберешься, – сказал Джордж. – Но что делать, привыкаешь к человеку и уже не можешь с ним расстаться.

– Он не злой, – сказал Рослый. – Я же вижу, он совсем не злой.

– Конечно, не злой, но все время попадает в беду, потому что сам робкий и безответный. Вот, скажем, в Уиде... – Джордж вдруг замолчал и замер недвижно с картой в руке. Он пристально смотрел на Рослого. – Ты никому не скажешь?

– А что он натворил в Уиде? – спокойно спросил Рослый.

– Но ты никому не скажешь? Нет, конечно, нет.

– Что же он такого натворил в Уиде? – снова спросил Рослый.

– Ну, увидел он девчонку в красном платье. Безответный дурак – ему охота потрогать все, чего понравится. Просто потрогать, только и всего. Вот и протянул руку, чтоб потрогать это красное платье, тут девчонка давай визжать, а Ленни со страху держит ее, не знает, чего делать. Девчонка все визжит. Я был неподалеку, услышал ее визг и прибежал. Ленни уже вконец растерялся и все держит ее. Я выдернул из загородки жердину и огрел его по башке – только тогда он ее отпустил. Он был до того напуган, что просто не мог выпустить платье. А ведь он адски силен, сам видел.

Рослый спокойно, не мигая, смотрел на Джорджа. Он медленно кивнул.

– И что же дальше?

Джордж аккуратно уложил карты в ряд.

– Ну, эта девчонка побежала к судье и кричит, что ее изнасиловали. Мужчины в Уиде собрались, чтоб изловить и линчевать Ленни. Пришлось нам отсиживаться в оросительной канаве до самого вечера. Только головы высунули из воды среди камыша, что рос на краю канавы. А ночью – давай Бог ноги.

Рослый немного помолчал.

– А он этой девчонке ничего и впрямь не сделал? – спросил наконец Рослый.

– Да нет же. Просто напугал, и все. Я и сам напугался бы, если б он вдруг меня сгрел. Но он ей ничего не сделал. Только хотел потрогать ее красное платье, как вот теперь все время хочет гладить щенков.

– Он не злой, – сказал Рослый. – Я злых за милую чую.

– Конечно, не злой. И сделает все, что я ему...

Тут вошел Ленни. Его синяя куртка была накинута на плечи, и он шагал, наклонившись вперед.

– Ну как, Ленни? – спросил Джордж. – Нравится тебе щенок?

Ленни ответил, с трудом переводя дух:

– Он белый с коричневыми пятнами, как раз такого я и хотел.

Он пошел прямо к своей койке, лег, отвернулся к стене и подобрал колени.

Джордж аккуратно положил карты на стол.

– Ленни, – сказал он строго.

– А? Чего тебе, Джордж?

– Я ж тебе сказал, чтоб ты не смел приносить щенка сюда.

– Какого щенка, Джордж? У меня нету никакого щенка.

Джордж быстро подошел к Ленни, взял за плечо и заставил повернуться. Он протянул руку и вытащил крошечного щенка, которого Ленни прятал подле себя.

Ленни поспешно сел на койке.

– Отдай мне его, Джордж.

– Ступай и положи щенка назад в ящик, – приказал Джордж. – Он должен спать со своей матерью. Ты что, сгубить его хочешь? Он только вчера родился, а ты уже вынул его из ящика. Сейчас же отнеси его назад, а не то я скажу Рослому, чтоб он у тебя его отнял.

Ленни умоляюще протянул руки к Джорджу.

– Дай мне его, Джордж. Я отнесу его назад. Я не хотел сделать плохо, Джордж. Ей-ей, не хотел. Я только хотел его немножко погладить.

Джордж отдал ему щенка.

– Ладно. Живо тащи его в конюшню и больше не выноси оттуда. А то ты в два счета его придушишь.

Ленни торопливо вышел.

Рослый не двигался с места. Он посмотрел Ленни вслед.

– Вот черт! – сказал он. – Сущий ребенок, правда?

– Ну конечно же, он как ребенок. И такой же безобидный, только силен невесть как. Я уверен, что он теперь не придет ночевать. Будет спать в конюшне около этого щенка. Ну да ладно, пускай. Там он никому не помешает.

На дворе стемнело. Вошел старик Плюм Пудинг и направился к своей койке; следом за ним плелась его старая собака.

– Привет, Рослый. Привет, Джордж. Вы что, не играли в подкову?

– Надоело – каждый вечер играем, – сказал Рослый.

– Ни у кого не найдется глотка виски, ребята? – спросил Плюм. – У меня что-то живот разболелся.

– Нет, – сказал Рослый. – А то б я сам выпил, хоть у меня живот и не болит.

– До того разболелся, мочи нет, – пожаловался Плюм. – А все проклятая репа. Я ведь знал, что так будет, прежде чем взял ее в рот.

Со двора, где сгушалась темнота, вошел толстяк Карлсон. Он прошел в дальний конец комнаты и зажег вторую лампочку под жестяным абажуром.

– Тьма крошечная, – сказал он. – Вот черт, до чего этот черномазый ловко играет.

– Да, играет он лихо.

– Еще бы, – сказал Карлсон. – Никому выиграть не даст... – Он замолчал, потянул носом воздух и, все еще принохиваясь, поглядел на старую собаку. – Черт, до чего ж от нее псиной разит! Выгони ее отсюда, Плюм! Хуже нет, когда псиной воняет. Гони ее, тебе говорят.

Плюм подошел к краю койки. Он протянул руку, потрепал старую собаку по голове и сказал виновато:

– Она у меня давно, и совсем я не замечал, чтоб от нее воняло.

– Вот что, я ее здесь терпеть не стану, – сказал Карлсон. – Эта вонь остается надолго. – Он тяжелыми шагами подошел к собаке и поглядел на нее. – Зубов нет, – сказал он, – лапы от ревматизма не гнутся. На кой она тебе сдалась, Плюм? Ведь она самой себе в тягость. Почему ты ее не пристрелишь?

Старик беспокойно заерзал на койке.

– Ну уж нет! Она у меня давно. Я взял ее еще щенком. Она помогала мне пасти овец, стерегла стадо, – сказал он с гордостью. – Теперь на нее поглядеть – не поверишь, но это была лучшая овчарка во всей округе.

– Я знавал одного человека в Уиде, – сказал Джордж. – У него был эрдельтерьер, который пас овец. Научился у других собак.

Но от Карлсона нелегко было отделаться.

– Слышь, Плюм, эта старая сука только зря мучается. Выведи ее на двор и выстрели прямо в башку, – он наклонился и показал куда, – вот в это место, она даже не узнает, что произошло.

Плюм посмотрел на него грустным взглядом.

– Нет, – сказал он тихо. – Не могу. Ведь она у меня так давно.

– Ей самой свет не мил, – настаивал Карлсон. – И воняет от нее так, что просто ужас.

Ну ладно. Ежели хочешь, я сам ее пристрелю, избавлю тебя от этого.

Плюм спустил ноги с койки. Он взволнованно поскреб седую щетинистую щеку.

– Я так к ней привык, – сказал он тихо. – Взял ее еще щенком.

– Но ведь это просто жестоко – смотреть, как она мучается, – сказал Карлсон. – Послушай, у Рослого как раз сука ощенилась. Я уверен, что он даст тебе одного щенка. Правда, Рослый?

Рослый спокойно рассматривал старую собаку.

– Да, – сказал он. – Ежели хочешь, можешь взять щенка. – Он оживился: – Плюм, Карлсон прав. Эта собака сама себе в тягость. Ежели я стану таким вот дряхлым калекой, уж лучше пускай меня кто-нибудь пристрелит.

Плюм беспомощно посмотрел на него, потому что слово Рослого – закон на ранчо.

– Но ведь ей будет больно, – сказал он неуверенно. – А я согласен об ней заботиться.

– Я ее пристрелю так, что она ничего и не почувствует. Прицельсь вот сюда, – сказал Карлсон. Он указал ногой. – Прямо в башку. Она и не рыпнется.

Плюм переводил взгляд с одного лица на другое – искал поддержки. На дворе уже совсем стемнело. Вошел молодой работник. Его плечи были пригорблены, и шагал он тяжело, словно нес невидимый мешок с зерном. Он подошел к своей койке и положил шляпу на полку. Потом взял измятый журнал и положил на стол под лампочку.

– Я тебе не показывал, Рослый? – спросил он.

– Что такое?

Вошедший перелистал журнал и ткнул пальцем:

– Читай вот здесь. – Рослый склонился над журналом. – Вслух давай.

– «Уважаемый редактор, – медленно начал Рослый, – я читаю ваш журнал уже шесть лет и уверен, что он самый лучший. Мне нравятся рассказы Питера Рэнда. По-моему, он ловко заливает. Печатайте побольше таких штук, как «Черный всадник». Я не мастак писать письма. Просто я решил сообщить всем, что за ваш журнал не жалко отдать пять центов».

Рослый удивленно поднял голову.

– Для чего это было читать?

– Дальше, – сказал Уит. – Прочти подпись внизу.

Рослый прочел:

– «Желаю успеха. Уильям Теннер».

Он снова взглянул на Уита.

– Так для чего ж это было читать?

Уит с важным видом закрыл журнал.

– Неужто ты не помнишь Билла Теннера? Он работал здесь месяца три назад.

Рослый задумался.

– Такой маленький? – спросил он. – Работал на пашне?

– Во-во, он самый! – воскликнул Уит.

– Так ты думаешь, это он написал?

– Я знаю в точности. Как-то раз сидели мы с Биллом здесь, в этой самой комнате. У Билла был свежий номер журнала. Сидит он, читает и, не поднимая головы, говорит: «Я

написал письмо в редакцию. Интересно, поместили его или нет?» Но письма там не было. Билл и говорит: «Может, они его еще поместят». Так и вышло. Вот оно.

– Верно, – сказал Рослый. – Вот оно, в журнале.

Джордж протянул руку.

– Можно поглядеть?

Уит снова отыскивал нужную страницу, но журнала не отдал. Он ткнул в письмо пальцем. Потом пошел к своей полке и бережно положил туда журнал.

– Любопытно знать, видал ли это сам Билл? – сказал он. – Мы с ним работали вместе на гороховом поле. Билл – славный малый.

Карлсон не принимал участия в разговоре. Он все глядел на старую собаку. Плюм с беспокойством следил за ним. Наконец Карлсон сказал:

– Ежели хочешь, я избавлю ее от страданий сейчас же, да и дело с концом. Ничего другого не остается. Жрать она не может, не видит ничего, даже ходить ей больно.

– Но ведь у тебя нет револьвера, – сказал Плюм с надеждой.

– Как бы не так. Есть, системы Люгера. Ей не будет больно!

– Может, лучше завтра... Обождем до завтра, – сказал Плюм.

– А чего тут ждать? – сказал Карлсон.

Он подошел к своей койке, вытащил из-под нее мешок и достал револьвер.

– Надо покончить сразу, – сказал он. – От нее так воняет, спать невозможно.

Он сунул револьвер в боковой карман.

Плюм бросил на Рослого долгий взгляд, надеясь, что тот вмешается. Но Рослый молчал. Тогда Плюм сказал тихо и безнадежно:

– Ну уж ладно, веди ее.

Он даже не взглянул на собаку. Снова улегся на койку, заложил руки за голову и стал глядеть в потолок.

Карлсон вынул из кармана короткий кожаный ремешок. Он нагнулся и надел ремешок на шею собаке. Все, кроме Плюма, следили за ним.

– Пошли, милая. Пошли, – сказал он ласково. А потом, как бы извиняясь, обратился к Плюму: – Она ничего и не почувствует.

Плюм не ответил и даже не пошевелинулся. Карлсон дернул за ремешок.

– Пошли, милая.

Старая собака с трудом встала и пошла за Карлсоном.

– Карлсон, – сказал Рослый.

– А?

– Ты знаешь, чего надобно сделать.

– О чем это ты?

– Возьми лопату, – отрывисто обронил Рослый.

– Ну, само собой... Я понял.

И он вывел собаку в темноту.

Джордж подошел к двери, закрыл ее и осторожно опустил щеколду. Плюм недвижно лежал на койке, глядя в потолок.

Рослый сказал громко:

– Там у одного мула копыто треснуло. Надобно замазать смолой.

Он замолчал. Снаружи было тихо. Шаги Карлсона затихли. В комнате тоже стало тихо. Тишина затягивалась.

Джордж засмеялся.

– А ведь Ленни сейчас в конюшне со своим щенком. Он теперь сюда и войти не захочет, раз у него щенок есть.

– Плюм, – сказал Рослый. – Ты можешь взять щенка, какого захочешь.

Плюм не ответил. Снова наступила тишина. Она словно выползла из ночной тьмы и заполнила комнату.

Джордж сказал:

– Никто не хочет перекинуться в картишки?

– Я бы, пожалуй, сыграл, – сказал Уит.

Они сели за стол, под лампочку, друг против друга, но Джордж не стасовал карты. Он в беспокойстве забарабанил пальцами по краю стола, и этот негромкий стук заставил всех обернуться. Джордж перестал стучать. Снова стало тихо. Прошла минута, другая. Плюм лежал неподвижно, глядя в потолок. Рослый посмотрел на него, опустил глаза и уставился на свои руки; одной ладонью он прикрыл другую. Откуда-то из-под пола раздался негромкий скребущий звук, и все сразу повернули головы. Только Плюм по-прежнему смотрел в потолок.

– Похоже, там крыса, – сказал Джордж. – Надо поставить крысоловку.

Уит наконец не выдержал:

– И чего он там возится? Ну, сдавай же карты! Этак мы ни одного кона не сыграем.

Джордж собрал карты и принялся их рассматривать. Снова стало тихо.

Вдали хлопнул выстрел. Все быстро взглянули на старика. Головы разом повернулись в его сторону.

Еще мгновение он продолжал смотреть в потолок. Потом, не сказав ни слова, медленно повернулся лицом к стене.

Джордж быстро стасовал карты и сдал. Уит пододвинул к нему грифельную доску для записи очков и фишки. Он сказал:

– Кажись, вы, ребята, и в самом деле пришли сюда, чтоб работать? Ну, ведь пришли-то вы в пятницу. Два дня придется работать, до воскресенья.

– Как так? – спросил Джордж с недоумением.

Уит насмешливо хмыкнул.

– Не понимаю, – сказал Джордж.

Уит снова хмыкнул.

– Должен понимать, ежели бывал на больших ранчо. Кто хочет приглядеться, приходит в субботу, под вечер. Он ужинает, да в воскресенье еще три раза поест, а в понедельник утром может позавтракать и уйти, палец о палец не ударив. Но вы пришли в полдень в пятницу. Как ни клади, а выходит полтора дня.

Джордж спокойно посмотрел на него.

– Мы хотим здесь остаться на некоторое время, – сказал он. – Нам с Ленни надобно подработать.

Дверь тихо приотворилась, и конюх просунул голову в щель. Это была черная изможденная голова с печальным лицом и покорными глазами.

– С вашего позволения, Рослый...

Рослый отвел глаза от старика Плюма.

– А? Это ты, Горбун? Тебе чего?

– Вы мне велели растопить смолу, чтоб замазать копыто у мула. Так я ее уж растопил.

– Да, понятно, Горбун. Я сейчас приду и все сделаю.

– Ежели хотите, я сделаю.

– Нет, я сам.

Он встал.

– И еще вот чего, – сказал Горбун.

– Да?

– Этот верзила, новичок, возится в конюшне с вашими щенками.

– Не беда, он им ничего не сделает. Я ему подарил одного.

– Я все же решился сказать вам про это, – продолжал Горбун. – Он их вынимает из ящика и держит в руках. Это им не на пользу.

– Ничего он им не сделает, – сказал Рослый. – Ну, пошли.

Джордж поднял голову.

– Если этот болван там мешает, вышвырни его вон, Рослый, – вот и все.

Рослый вслед за конюхом вышел из барака.

Джордж сдал карты, Уит взял свои и посмотрел в них.

– Видал новую куколку? – спросил он.

– Какую такую куколку? – удивился Джордж.

– Ну, новую супружницу Кудряша.

– Да, видал.

– Ну что, разве она не красавица?

– Я не разглядел, – сказал Джордж.

Уит с таинственным видом положил карты.

– Так вот, не зевай, гляди в оба. Тогда много кой-чего разглядишь. Она ничего и не скрывает. Я такой еще никогда не видел. На всех мужиков заглядывается. Ей-богу, даже конюху проходу не дает. И какого дьявола ей не хватает?

– А что, произошли какие-нибудь неприятности с тех пор, как она здесь? – спросил Джордж как бы невзначай.

Было ясно, что Уита карты не интересуют. Он уронил руку на стол, и Джордж, отобрав у него карты, стал раскладывать пасьянс: семь карт и шесть сверху, – а поверх – еще пять.

Уит сказал:

– Понятно, об чем ты спрашиваешь. Нет, еще ничего не было. Кудряш бесится, только и всего, но едва ребята вернутся с работы, она уж тут как тут. Ищет, мол, мужа или забыла здесь что-то. Похоже, ее здорово тянет к мужчинам. А Кудряш так и кипит, но покуда сдерживается.

– Она еще наделает тут делов, – сказал Джордж. – Из-за нее не миновать заварухи. В два счета можно угодить за решетку. Я думаю, у Кудряша здесь хватает прихвостней. Ранчо, где полно мужиков, не место для молодой женщины, особенно такой, как эта.

– Ежели хочешь, – сказал Уит, – поедем завтра вечером с нами в город.

– А на кой шут? Чего там делать?

– Обыкновенно. Пойдем к старухе Сюзи. Веселое местечко. Сама старушенция такая потешная – всегда отмочит какую-нибудь шутку. Вот, скажем, в прошлую субботу пришли мы к ее парадной двери. Сюзи отворяет дверь и кричит: «Девочки, скорей одевайтесь, шериф приехал!» Но ни одного скверного слова, ни-ни. У нее там пять девочек.

– А во сколько это обходится? – спросил Джордж.

– Два с половиной доллара. И порция виски – еще двадцать центов. У Сюзи есть удобные кресла, можно посидеть, отдохнуть. Ежели не хочешь ничего другого, можешь просто посидеть в креслах, пропустить стаканчик-другой и приятно провести время. Сюзи никогда не против. Она не шпыняет гостей и не выставляет их за дверь, ежели они не хотят девушки.

– Надо будет сходить с вами, поглядеть, – сказал Джордж.

– Конечно, пойдём. Можно хорошо поразвлечься – одни шуточки ее чего стоят. Как это она сказала один раз: «Я, говорит, знаю людей, которые на полу тряпичный ковер расстелили да лампу с абажуром поставили возле граммофона и думают, будто у них настоящий салон». Это она про Клару. А еще она говорит: «Я знаю, чего вам, ребята, надобно, говорит. Мои девочки чистые, говорит, и виски я не разбавляю водой. А ежели кто из вас желает поглядеть на лампу с абажуром да обжечь крылышки, так вы дорогу знаете». И еще она говорит: «Некоторые стали кривоногими, потому что больно уж любят глядеть на лампу с абажуром».

– У Клары, стало быть, другой такой же дом, так, что ли? – спросил Джордж.

– Известное дело, – ответил Уит. – Но мы туда не ходим. Клара берет три доллара за девочку и тридцать пять центов за виски. Но шутить так ловко она не умеет. А у Сюзи чистота и удобные кресла, и она не пускает к себе всяких проходимцев.

– Нам с Ленни надобно денег за скопить, – сказал Джордж. – Я мог бы пойти с вами, посидеть там и выпить, но отдать два с половиной доллара никак не могу.

– Ну, надо же человеку развлечься хоть иногда, – сказал Уит.

Дверь отворилась, и вошли Ленни с Карлсоном. Ленни прокрался к своей койке и сел, стараясь не привлекать к себе внимания. Карлсон полез под койку и вытащил оттуда мешок. Он не смотрел на старика Плюма, который все еще лежал, отвернувшись к стене. Карлсон нашарил в мешке шомпол и баночку с ружейным маслом. Он положил их на койку, взял револьвер, вынул затвор и вытряхнул гильзу из ствола. Потом стал чистить ствол шомполом. Когда затвор щелкнул, Плюм повернулся и посмотрел на револьвер, потом снова отвернулся к стене.

– Кудряш сюда не заходил? – спросил Карлсон как бы невзначай.

– Нет, – ответил Уит. – А что?

Карлсон посмотрел ствол на свет.

– Ищет свою красулю. Я видел, как он рыскал вокруг барака.

– Он всегда полдня ее ищет, – сказал Уит с насмешкой. – А вторые полдня она ищет его. В этот миг в комнату ворвался Кудряш.

– Она сюда не заходила, – сказал Уит.

Кудряш грозно оглядел комнату.

– А где Рослый?

– На конюшню ушел, – сказал Джордж. – Ему надо замазать смолой копыто мулу.

Кудряш сразу съежился.

– И давно он ушел?

– Минут десять.

Кудряш выскочил за дверь и побежал к конюшне.

Уит встал.

– Пойти, что ли, поглядеть, – сказал он. – Кудряш нарывается на драку, иначе он не побежал бы туда. А ведь он ловкий как черт. Выступал в финале за «Золотую перчатку». У него есть вырезки из газет. – Уит подумал немного. – Но все равно, лучше ему оставить Рослого в покое. От Рослого всего можно ждать.

– Он думает, что Рослый сейчас с его супружницей, так, что ли? – спросил Джордж.

– Похоже на то, – сказал Уит. – Но это, конечно, ерунда. Меньше всего я думаю, что Рослый станет с ней путаться. Но я хочу поглядеть на драку, ежели до нее дойдет. Пошли вместе.

– Нет уж, я здесь останусь, – сказал Джордж. – Не хочу ни во что впутываться. Нам с Ленни надо скопить денег.

Карлсон вычистил револьвер, положил его в мешок и засунул мешок под койку.

– Пожалуй, пойду и я погляжу, – сказал он.

Старик Плюм лежал не шевелясь, а Ленни с опаской поглядывал на Джорджа со своей койки.

Когда Уит и Карлсон ушли и дверь за ними закрылась, Джордж повернулся к Ленни.

– Ты что от меня скрываешь?

– Я ничего не сделал, Джордж. Рослый говорит, что лучше не гладить щенков так долго сразу. Рослый говорит, им это вредно. Вот я и ушел сюда. Я хорошо себя вел, Джордж?

– Что ж, пожалуй, – сказал Джордж.

– Я не делал им больно. Я только посадил своего щенка на колени и гладил его.

– А ты видел Рослого в конюшне? – спросил Джордж.

– Ну да, видел. Он сказал, чтоб я лучше не гладил больше щенка.

– А женщину ты видал?

– Супружницу Кудряша?

– Да. Она приходила в конюшню?

– Нет. Ее я не видал.

– И не видал, чтоб Рослый с ней разговаривал?

– Не. Ведь ее там не было.

– Ладно, – сказал Джордж. – Я думаю, ребята не допустят драки. А если будет драка, Ленни, ты держись в стороне.

– Я не хочу драться, – сказал Ленни.

Он встал с койки и сел к столу напротив Джорджа. Джордж по привычке стасовал карты и стал раскладывать пасьянс. Он делал это старательно, задумчиво, не спеша.

Ленни взял одну карту и стал ее рассматривать, потом перевернул и снова стал рассматривать.

– Так и так одинаково выходит, – сказал он. – Джордж, почему так и так одинаково?

– Не знаю, – сказал Джордж. – Так уж их рисуют. А что Рослый делал в конюшне?

– Рослый?

– Ну да. Ты ведь видел его в конюшне, и он не велел тебе больше гладить щенков.

– А-а. Он принес банку со смолой и кисть. Не знаю зачем.

– И ты уверен, что эта женщина не приходила в конюшню, как, к примеру, нынче сюда?

– Уверен.

Джордж вздохнул.

– Нет, уж лучше бардак, – сказал он. – Туда можно пойти, выпить, получить все, что требуется, безо всякого шума. И заранее известно, во сколько это влетит. А такие шкуры до добра не доведут.

Ленни внимательно слушал его и тихонько шевелил губами, повторяя про себя каждое слово. Джордж продолжал:

– Помнишь Энди Кашмена, Ленни? Он с нами в школе учился.

– И его мать еще пекла для детей пирожки? – спросил Ленни.

– Во-во. Он самый. Ты всегда запоминаешь, когда речь об жратве. – Джордж внимательно разглядывал карты. Он положил на грифельную доску туза, а сверху – двойку, тройку и четверку бубен. – Энди сейчас в Сент-Квентинской тюрьме, а все из-за бабы, – сказал он.

Ленни забарабанил пальцами по столу.

– Джордж.

– Ну чего тебе?

– Джордж, а скоро у нас будет маленькое ранчо и мы будем сами себе хозяева?.. И... заведем кроликов?

– Понятия не имею, – сказал Джордж. – Надо скопить денег. Я знаю ранчо, которое можно купить задешево, но даром ведь его не отдадут.

Старик Плом медленно повернулся на койке. Глаза его были широко раскрыты. Он пристально посмотрел на Джорджа.

Ленни попросил:

– Расскажи мне про это ранчо, Джордж.

– Да ведь я только вчера рассказывал.

– Ну, расскажи... расскажи еще, Джордж.

– Так вот... там десять акров земли, – сказал Джордж. – Есть ветряная мельница. Маленький домик и курятник. А еще кухня, садик, и в нем растут вишни, яблоки, персики, орехи да всякая ягода. Есть место, где посеять люцерну, и много воды для полива. Есть сви-нарник...

– И кролики, Джордж!

– Крольчатника покуда нету, но нетрудно сделать несколько клеток, а кормить их ты можешь люцерной.

– Могу, конечно, могу! – подхватил Ленни. – Видит Бог, могу!

Джордж перестал раскладывать пасьянс. Голос его постепенно теплел.

– А еще мы можем завести свиней. Я построю коптильню, вроде той, какая была у моего деда, и мы как заколем свинью, станем коптить сало и окорока, делать ветчину. А когда по реке поднимутся лососи, мы будем ловить их сотнями и засаливать или коптить. Будем есть их на завтрак. Нет ничего вкуснее копченой лососины. Когда будут поспевать фрукты, мы станем заготавливать их впрок, и помидоры тоже, это очень легко. На воскресенье нарежем куренка или кролика. Может, заведем корову или козу, и у вас будут такие густые сливки, что их придется резать ножом и есть ложкой.

Ленни глядел на Джорджа, широко раскрыв глаза, и старик Плюм тоже глядел на него. Потом Ленни сказал тихо:

– Мы будем сами себе хозяева.

– А как же, – сказал Джордж. – У нас будут на огороде всякие овощи, а ежели захотим выпить виски, продадим десяток-другой яиц, или немного молока, или еще чего-нибудь. Будем себе жить там, на своем ранчо. Не придется нам больше мыкаться и жрать стряпню какого-нибудь япошки. Врешь, брат, у нас свой дом есть, нам незачем спать в бараке.

– Расскажи про дом, Джордж, – попросил Ленни.

– Ну, само собой, у нас будет свой домик, и в нем удобная спальня. Пузатая железная печурка, зимой в ней завсегда будет гореть огонь. Земли на ранчо немного, так что спину гнуть особо не придется. Ну, разве что часов по шесть или семь в день. Не надо будет по одиннадцати часов ссыпать ячмень. Когда поспеет урожай, мы его снимем. И всегда будем знать, ради чего работали.

– А еще кролики, – сказал Ленни нетерпеливо. – Я буду их кормить. Расскажи про это, Джордж.

– Очень просто – пойдешь с мешком, накосишь люцерны. Набьешь мешок, принесешь люцерну и положишь кроликам в клетки.

– А они будут грызть! – сказал Ленни. – Я видел, как кролики грызут.

– Каждые полтора месяца, – продолжал Джордж, – они станут приносить приплод, так что нам хватит и для еды, и на продажу. А еще заведем голубей, они будут летать вокруг мельницы, как у нас во дворе, когда я был ребенком. – Он мечтательно поглядел на стену поверх головы Ленни. – И все это будет наше, никто нас не выгонит. А если нам самим кто не понравится, мы скажем: «Скатертью дорога» – и, ей-ей, он вынужден будет убраться. А если придет друг, что ж, у нас завсегда найдется свободная койка, и мы скажем ему: «Отчего бы тебе у нас не заночевать?» – и, ей-ей, он заночует. У нас будут собака, сеттер, и две полосатые кошки, но придется следить, чтоб они не таскали крольчат.

Ленни взволнованно засопел.

– Пушай только попробуют. Я им все кости переломаю... я... я их палкой.

И он забормотал что-то себе под нос, угрожая несуществующим кошкам, ежели они посмеют тронуть несуществующих кроликов.

Джордж сидел, завороченный собственной выдумкой.

И когда Плюм вдруг заговорил, оба вскочили, словно их поймали с поличным. Плюм спросил:

– А у тебя и впрямь есть на примете такое ранчо?

Джордж насторожился.

– Ну, положим, есть, – ответил он. – А тебе-то что?

– Я не спрашиваю, где оно. Это не важно.

– Само собой, – сказал Джордж. – Уж будь спокоен... Тебе его и за сто лет не найти.

– А сколько надобно уплатить?!

Джордж подозрительно взглянул на старика.

– Ну... можно бы сторговаться за шесть сотен. Старики хозяева совсем на мели, старуха больна, придется ее оперировать. Но тебе-то что до этого? Мы сами по себе, наши дела тебя не касаемы.

Плюм сказал:

– Оно конечно, я однорукий, от меня пользы мало. Одной руки я лишился здесь, на этом вот самом ранчо. Потому меня и держат тут уборщиком. И уплатили двести пятьдесят за руку. Да еще пятьдесят у меня накоплено, в банке лежат, готовенькие. Вот вам уже триста, а еще пятьдесят я получу в конце месяца. И я вам скажу... – Он всем телом подался вперед. – Может, возьмете меня? Моя доля – триста пятьдесят долларов. Само собой, пользы от меня немного, но я могу стряпать, смотреть за курами да копать в огороде. Ну, как?

Джордж прищурился.

– Надобно подумать. Мы хотели купить ранчо только вдвоем...

Плюм его перебил:

– Я напишу завещание и, когда помру, оставлю свою долю вам, потому как родичей у меня давным-давно нету. У вас, ребята, есть деньги? Может, купим это ранчо прямо сейчас?

Джордж с досадой сплюнул себе под ноги.

– У нас на двоих всего-то навсего десять долларов. – Потом добавил задумчиво: – Послушай, если мы с Ленни проработаем месяц и не потратим ни цента, у нас накопится сотня долларов. Вот уже четыреста пятьдесят. За эти деньги наличными они нам наверняка уступят ранчо, остальное потом. Вы с Ленни устройтесь там и возьметесь за дело, а я подыщу себе место и заработаю остальное. А вы покудова будете продавать яйца, ну и прочее.

Все умолкли. Они смотрели друг на друга с удивлением. Они никогда не верили, что такое может сбыться. И Джордж сказал, едва дыша:

– Господи Боже! Я уверен, что они уступят. – Он был ошеломлен. – Я уверен, что они уступят, – повторил он тихо.

Плюм сел на край койки. От волнения он поскреб ногтем свою культю.

– Меня искалечило четыре года назад, – сказал он. – Скоро меня отсюда прогонят, вышвырнут вон, как только я не смогу подметать барак. Может, ежели я отдам вам, ребята, свои деньги, вы позволите мне копать в саду, даже когда толку от меня никакого не будет, и я стану мыть посуду, и смотреть за курами. Ведь я буду жить дома и работать дома, – сказал он с тоской. – Вы видели, чего они сделали нынче с моей собакой? Сказали, что от нее никому никакого прока, да сама она себе в тягость. Когда меня выгонят, лучше бы кто меня пристрелил. Но этого они не сделают. Мне некуда будет идти, и я нигде не найду работы. До тех пор, пока вы, ребята, соберетесь купить ранчо, я получу еще тридцать долларов.

Джордж встал.

– Мы это сделаем, – сказал он. – Купим ранчо и будем там жить.

Он снова сел.

Теперь все сидели недвижно, замороженные этой заманчивой картиной, и мысли их уносились в будущее, к тем дням, когда все это свершится на деле.

Джордж сказал задумчиво:

– А когда в городе будет праздник, или бейсбольный матч, или приедет цирк, или еще чего... – Старик Плюм одобрительно кивнул. – Мы беспременно пойдем туда, – сказал Джордж. – Ни у кого не станем спрашивать. Просто скажем: «Ну, двинули» – и двинем. Подоим корову, подбросим зерна курам и двинем.

– Но сперва зададим кроликам люцерны, – подхватил Ленни. – Я не позабуду их накормить. А когда это будет, Джордж?

– Через месяц. Обожди всего-навсего месяц. Знаешь, чего я сделаю? Напишу этим старикам, хозяевам ранчо, что мы его покупаем. А Плюм пошлет сотнягу в задаток.

– Само собой, – сказал Плюм. – А печь там хорошая?

– Известное дело, печь прекрасная, можно топить хоть углем, хоть дровами.

– Щенка я тоже возьму, – сказал Ленни. – Ей-ей, ему там понравится.

Джордж прищурил глаза.

Снаружи слышались голоса. Джордж быстро сказал:

– Но смотрите – молчок, никому ни слова. Только мы трое будем знать, больше никто. А то нас выгонят, и мы ничего не заработаем. Будем делать вид, будто собираемся всю жизнь ссыпать зерно в мешки, а потом, в один прекрасный день, возьмем свои денежки – и до свиданья.

Ленни и Плюм кивнули, радостно улыбаясь.

– Смотри же, молчок, никому ни слова, – сказал сам себе Ленни.

– Джордж, – сказал Плюм.

– Ну, чего тебе еще?

– Я должен был сам пристрелить свою собаку, Джордж. Не надобно было позволять чужому пристрелить эту бедную собачку.

Дверь отворилась. Вошел Рослый, за ним Кудряш, Карлсон и Уит. У Рослого руки были в смоле, и он хмурился. Кудряш шел за ним по пятам.

– Я не хотел тебя обидеть, Рослый. Я просто так спросил, – сказал Кудряш.

– Что-то ты уж больно часто об этом спрашиваешь, – отозвался Рослый. – Мне это давно уж осточертело. Ежели не можешь уследить за своей вертихвосткой, чего ж ты от меня-то хочешь? Оставь-ка лучше меня в покое.

– Я ж говорю тебе, что это я только так спросил, – сказал Кудряш. – Просто подумал, может, ты ее видел.

– Какого хрена ты не велишь ей сидеть дома, как положено? – спросил Карлсон. – Позволяешь ей шляться по баракам. Глядишь, она поднесет тебе подарочек, тогда поздно будет.

Кудряш круто повернулся к Карлсону.

– А ты не лезь не в свое дело, не то я тебя живо за дверь вышвырну.

Карлсон рассмеялся.

– Эх ты, молокосос несчастный, – сказал он. – Хотел запугать Рослого, и ни хрена у тебя не вышло. Он сам тебя запугал. Вон ты весь пожелтел, как лягушачье брюхо. Мне начхать, что ты лучший боксер в округе. Попробуй меня хоть пальцем тронуть, я из тебя дух вышибу.

Плюм тут же его поддержал.

– Эхма, рукавица вазелиновая, – сказал он презрительно.

Кудряш сверкнул на него глазами. Потом его взгляд скользнул в сторону и остановился на Ленни; а Ленни все еще радостно улыбался, думая о ранчо.

Кудряш, как собачонка, набросился на Ленни:

– Ну а ты какого хрена смеешься?

Ленни взглянул на него растерянно.

– Чего?

И тут Кудряш взорвался:

– Эй ты, дубина стоеросовая! Встать! Я никому не позволю надо мной надсмехаться! Я покажу, кто пожелтел со страху.

Ленни беспомощно поглядел на Джорджа, потом встал, намереваясь уйти. Но Кудряш не зевал. Он врезал Ленни левой, а потом сильным ударом правой расквасил ему нос. Ленни испуганно завопил. Из носа у него текла кровь.

– Джордж! – завопил Ленни. – Скажи, чтоб он отстал от меня, Джордж!

Он пятился до тех пор, покуда не уперся спиной в стену, а Кудряш наседавал на него и бил по лицу. Руки Ленни беспомощно висели как плети. Он был слишком перепуган, чтоб защищаться.

Джордж вскочил и крикнул:

– Дай ему, Ленни! Не позволяй себя бить!

Ленни прикрыл лицо ручищами и взвизгнул от страха. Он крикнул:

– Скажи, чтоб он перестал, Джордж!

Тут Кудряш ударил Ленни под ложечку, и у того перехватило дыхание.

Рослый вскочил.

– Скот вонючий! – крикнул он. – Я сам с ним сейчас разделаюсь.

Джордж схватил Рослого за плечо.

– Обожди! – крикнул он. Потом приложил руки ко рту рупором: – Дай ему, Ленни.

Ленни отнял ладони от лица и поглядел на Джорджа, а Кудряш тем временем ударил его в глаз. Широкое лицо Ленни было залито кровью. Джордж крикнул снова:

– Дай ему, тебе говорят!

Кудряш снова занес кулак, но тут Ленни схватил его за руку. И Кудряш сразу затрепыхался, как рыба на крючке, кулак его исчез в огромной ручище Ленни. Джордж подбежал к нему через весь барак.

– А теперь отпусти его, Ленни. Отпусти...

Но Ленни лишь смотрел со страхом на трепыхающегося человечка. Кровь текла у него по лицу, глаз был подбит. Джордж влепил ему пощечину, потом другую, но Ленни все не разжимал руку. Кудряш весь побелел и скрючился. Он трепыхался все слабее, но отчаянно вопил – кулак его по-прежнему был зажат в руке Ленни. А Джордж все кричал:

– Отпусти его, Ленни! Отпусти! Рослый, да помоги же, не то он вовсе без руки останется.

Вдруг Ленни разжал пальцы. Он присел у стены на корточки, чтоб быть как можно незаметнее.

– Ты сам мне велел, Джордж, – сказал он жалобно.

Кудряш сел на пол, с удивлением глядя на свою изувеченную руку. Рослый и Карлсон наклонились над ним. Потом Рослый выпрямился и с опаской взглянул на Ленни.

– Надобно свезти Кудряша к доктору, – сказал он. – Похоже, кости переломаны.

– Я не хотел! – крикнул Ленни. – Я не хотел сделать ему больно!

Рослый распорядился:

– Карлсон, запрягай лошадей. Надобно свезти Кудряша в Соледад, там вылечат.

Карлсон выбежал на двор. Рослый повернулся к скулящему Ленни.

– Ты не виноват, – сказал он. – Этот сопляк сам полез на рожон. Но Боже мой! Он и вправду чуть не остался без руки.

Рослый поспешно вышел и тут же вернулся с жестянкой воды. Он дал Кудряшу попить.

Джордж сказал:

– Ну что, Рослый, теперь нас бесприменно выгонят? А ведь нам деньги позарез нужны. Как думаешь, выгонит нас папаша Кудряша?

Рослый криво усмехнулся. Он опустил на колени подле пострадавшего.

– Ты еще воображаешь настолько, чтоб меня выслушать? – спросил он. Кудряш кивнул. – Так слушай же, – продолжал Рослый. – Рука у тебя попала в машину. Ежели ты никому

не скажешь, как дело было, мы тоже не скажем. А ежели скажешь и станешь требовать, чтоб этого малого выгнали, мы всем расскажем, и над тобой будут смеяться.

– Я не скажу, – простонал Кудряш. Он старательно избегал смотреть на Ленни.

Снаружи затарахтели колеса, Рослый помог Кудряшу встать.

– Ну, пошли. Сейчас Карлсон свезет тебя к доктору.

Он вывел Кудряша за дверь. Тарахтение колес замерло вдали. Рослый вернулся в барак. Он поглядел на Ленни, который в страхе все еще жался к стене.

– Покажи-ка мне ладони, – сказал он.

Ленни вытянул руки.

– Боже праведный, не хотел бы я, чтоб ты на меня осерчал, – сказал Рослый.

Тут в разговор вмешался Джордж.

– Ленни просто испугался, – объяснил он. – Не знал, чего делать. Я всем говорил, что его нельзя трогать. Или нет, кажется, я это говорил Плюму.

Плюм кивнул с серьезным видом.

– Да, говорил, – сказал он. – Нынче же утром, когда Кудряш в первый раз напустился на твоего друга, ты сказал: «Лучше пусть не трогает Ленни, ежели он сам себе не враг». Так и сказал.

Джордж повернулся к Ленни.

– Ты не виноват, – сказал он. – Не бойся. Ты сделал то, что я тебе велел. Иди-ка вымой лицо. А то бог знает на кого похож.

Ленни скривил в улыбке разбитые губы.

– Я не хотел ничего такого, – сказал он.

Он пошел к двери, но, не дойдя до нее, обернулся.

– Джордж.

– Чего тебе?

– Ты позволишь мне кормить кроликов, Джордж?

– Само собой. Ведь ты ничего плохого не сделал.

– Я не хотел ничего плохого, – сказал Ленни.

– Ну ладно. Ступай умойся.

IV

Конюх Горбун жил при конюшне, в клетушке, где хранилась всякая упряжь. В одной стене этой клетушки было квадратное, с четырьмя маленькими стеклами оконце, в другой – узкая дощатая дверь, которая вела в конюшню. Кроватью служил длинный ящик, набитый соломой и прикрытый сверху одеялами. У окошка были вколочены гвозди, на них висела рваная сбруя, которую Горбун должен был чинить, и полосы новой кожи; под окошком стояла низенькая скамеечка, на ней – шорный инструмент, кривые ножи, иглы, мотки шпагата и маленький клепальный станок. По стенам тоже была развешана упряжь – порванный хомут, из которого торчал конский волос, сломанный крюк от хомута и лопнувшая постромка. На койке стоял ящичек, в котором Горбун держал пузырьки с лекарствами для себя и для лошадей. Здесь были коробки с дегтярным мылом и прохудившаяся жестянка со смолой, из которой торчала кисть. По полу валялись всякие пожитки; в своей каморке Горбун мог не прятать вещи, а поскольку он был калека, служил конюхом и жил здесь уже давно, он накопил больше добра, чем мог бы снести на себе.

У Горбуна было несколько пар башмаков, пара резиновых сапог, большой будильник и старый одноствольный дробовик. А еще у него были книги: истрепанный словарь и рваный томик гражданского кодекса Калифорнии 1905 года издания. Были у него старые журналы,

и на специальной полке над койкой стояли еще какие-то книги. Большие очки в золоченой оправе висели рядом на гвозде.

Комната была чисто подметена. Горбун был гордый, независимый человек. Он сторонился людей и держал их от себя на почтительном расстоянии. Из-за горба все тело у него было перекошено в левую сторону; блестящие, глубоко посаженные глаза смотрели пристально и остро. Худое черное лицо избороздили глубокие морщины; губы тонкие, горестно сжатые, были светлее кожи на лице.

Уже наступил субботний вечер. За отворенной дверью, которая вела в конюшню, слышались удары копыт, хруст сена, позвякивание цепочек.

Маленькая электрическая лампочка скупо освещала комнату желтоватым светом.

Горбун сидел на своей койке. В одной руке он держал склянку с жидковатой мазью, а другой, задрав на спине рубашку, натирал себе хребет. Время от времени он выливал несколько капель мази на розоватую ладонь, потом лез рукой под рубашку и тер спину. Он пожевивался и вздрагивал.

В открытой двери бесшумно появился Ленни и остановился, озираясь. Его широкая фигура совсем заслонила дверной проем. Сперва Горбун этого не заметил, потом, подняв голову, сердито уставился на незваного гостя. Он высвободил руку из-под рубашки.

Ленни робко и дружелюбно улыбнулся.

Горбун сказал сердито:

– Ты не имеешь права сюда входить. Это моя комната. Никто, кроме меня, не смеет сюда входить.

Ленни проглотил слюну, и улыбка его стала еще более заискивающей.

– Я ничего. Просто пришел поглядеть своего щенка. И увидал здесь свет, – объяснил он.

– Я имею полное право зажигать свет. Уходи из моей комнаты. Меня не пускают в барак, а я никого не пускаю сюда.

– Но почему же вас не пускают? – спросил Ленни.

– Потому что я негр. Они там играют в карты, а мне нельзя, потому что я негр. Они говорят, что от меня воняет. Так вот что я тебе скажу: по мне, от вас всех воняет еще пуще.

Ленни беспомощно развел ручищами.

– Все уехали в город, – сказал он. – И Рослый, и Джордж – все. Джордж велел мне оставаться здесь и вести себя хорошо. А я увидал свет...

– Ну ладно, тебе чего надо?

– Ничего... Просто я увидал свет. И подумал, что мне можно зайти и посидеть.

Горбун поглядел на Ленни, протянул руку, снял с гвоздя очки, нацепил на нос и снова поглядел на Ленни.

– Никак не пойму, чего тебе надо здесь, в конюшне, – сказал он с недоумением. – Ты не возчик. А тем, кто сыпает зерно в мешки, незачем сюда и заходить. На что тебе сдались лошади?

– Щенок, – снова объяснил Ленни. – Я пришел поглядеть щенка.

– Ну и гляди щенка. Да не суйся, куда тебя не просят.

Улыбка исчезла с лица Ленни. Он перешагнул порог, потом сообразил, что ему говорят, и снова попятился к двери.

– Я уже поглядел. Рослый сказал, чтоб я не гладил его долго.

– Ты все время вынимал его из ящика, – сказал Горбун. – Удивительно, как это сука не перенесла их куда-нибудь в другое место.

– Ну, она смиренная. Позволяет мне его брать.

Ленни снова вошел в дверь.

Горбун нахмурился, но улыбка Ленни его обезоружила.

– Ладно уж, заходи да посиди со мной малость, – сказал Горбун. – Уж ежели ты не хочешь уйти и оставить меня в покое, так и быть, сиди здесь. – Тон его стал дружелюбней. – Стало быть, все уехали в город?

– Все, кроме старика Плюма. Он сидит в бараке, чинит карандаш и все подсчитывает. Горбун поправил очки.

– Подсчитывает? Что же это Плюм подсчитывает?

– Кроликов! – почти закричал Ленни.

– Ты вконец спятил. Каких таких кроликов?

– Кроликов, которые у нас будут, и я стану кормить их, косить для них траву и носить воду.

– Ты спятил, – повторил Горбун. – Зря тот, второй, с которым ты пришел, оставляет тебя без присмотра.

Ленни сказал тихо:

– Это правда. Мы это сделаем. Купим маленькое ранчо и будем сами себе хозяева.

Горбун поудобнее устроился на койке.

– Садись, – сказал он. – Вот сюда, на бочонок из-под гвоздей.

Ленни, скрючившись, сел на низкий бочонок.

– Вы мне не верите, – сказал Ленни. – Но это правда. Чистая правда, спросите у Джорджа.

Горбун подпер розоватой ладонью черный подбородок.

– Ты живешь вместе с Джорджем, да?

– Известное дело. Мы с ним всегда вместе.

– Иногда он говорит, а ты не можешь взять в толк, об чем это он, – продолжал Горбун. – Так, что ли? – Он наклонился вперед, впери в Ленни свой острый взгляд. – Ведь так?

– Да... иногда.

– Он говорит, а ты в толк не можешь взять об чем?

– Да... иногда... Но не всегда...

Горбун еще больше наклонился вперед, сдвинувшись на край койки.

– А я не с Юга родом, – сказал он. – Родился здесь, в Калифорнии. У моего отца было ранчо – акров десять земли, он там курей разводил. К нам иногда приходили белые дети, и я играл с ними. Среди них были и добрые. Моему старику это не нравилось. Я только потом, через много лет, смекнул почему. Но теперь-то я знаю. – Он замолчал в нерешительности, а когда снова заговорил, голос его зазвучал мягче. – На много миль вокруг нашего ранчо не было другой негритянской семьи. И здесь, на этом ранчо, кроме меня, нету ни одного негра, и в Соледаде только одна семья. – Он засмеялся. – И ежели я чего говорю, невелика важность – мало ли чего черномазый наговорит.

– А как вы думаете, – спросил Ленни, – скоро щенков можно будет гладить?

Горбун снова засмеялся.

– Когда с тобой разговариваешь, можно быть уверенным, что ты не разболтаешь. Так вот, пройдет недели две – и щенки подрастут. А Джордж себе на уме. Говорит, а ты ничегошеньки не понимаешь. – В волнении он подался вперед. – Тебе все это черномазый толкует, черномазый горбун. На это нечего и внимания обращать, понял? Да уж ладно, ты все одно ничего не запомнишь. Я видел такое многое множество раз, даже счет потерял – один разговаривает с другим, и ему все едино, слышит ли тот, понимает ли. И так всегда, разговаривают ли они или же сидят молча. Это все едино, все едино. – Мало-помалу придя в волнение, он хлопнул себя по колену. – Джордж может болтать тебе всякую чепуху, все, что угодно. Ему важно лишь, что есть с кем поговорить. Просто надобно, чтоб кто-то был рядом. Только и делов.

Он замолчал. Потом заговорил тихо и уверенно:

– А что, ежели Джордж не приедет? Ежели он забрал свои пожитки и больше никогда не вернется? Что тогда?

Наконец смысл его слов дошел до Ленни.

– Как это так? – спросил он.

– Я спрашиваю – а что, ежели Джордж уехал нынче в город, а там – поминай как звали? – Горбун, казалось, торжествовал. – Что тогда? – повторил он.

– Он этого не сделает! – крикнул Ленни. – Джордж нипочем этого не сделает! Мы с ним давно вместе. Он вернется... – Но сомнения уже начали его одолевать. – А вы думаете – он может не вернуться?

Горбун усмехнулся, злорадствуя над его отчаяньем.

– Никто не знает наперед, чего человек может сделать, – сказал он невозмутимо. – Иной раз он, положим, и хотел бы вернуться, да не его воля. Вдруг его убьют или ранят, тогда уж он никак не сможет вернуться.

Ленни мучительно пытался понять его слова.

– Джордж этого не сделает, – повторил он. – Джордж осторожный. Его не ранят. Его ни разу не ранили, потому как он очень осторожный.

– Ну а вдруг, вдруг он не вернется. Что ты тогда будешь делать?

Лицо Ленни исказилось от напряжения.

– Не знаю. А вы чего! – крикнул он. – Это неправда! Джорджа не ранили.

Горбун пристально поглядел на Ленни.

– Хочешь, я скажу тебе, чего тогда будет? Тебя схватят и упекут в дурдом. Наденут на тебя ошейник, как на собаку.

Глаза Ленни вдруг помутились, в них сквозила ярость. Он встал и грозно шагнул к Горбуну.

– Кто это ранил Джорджа? – спросил он.

Горбун сразу осознал опасность. Он отодвинулся.

– Я просто так говорю – а вдруг его ранили, – сказал он. – Джорджа никто не трогал. Он цел и невредим. Он вернется.

Ленни стоял над Горбуном.

– Зачем тогда говорить – а вдруг? Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа.

Горбун снял очки и потер ладонью глаза.

– Садись, – сказал он. – Джорджа никто не трогал.

Ленни с ворчанием снова уселся на бочонок.

– Никто не смеет говорить, что тронет Джорджа, – повторил он.

Горбун сказал терпеливо:

– Может, теперь ты наконец сообразишь самую малость. У тебя есть Джордж. Ты знаешь, что он вернется. Ну а ежели предположить, что у тебя никого нету. Предположим, ты не можешь пойти в барак и сыграть в карты, потому что ты негр. Как бы тебе это понравилось? Предположим, тебе пришлось бы сидеть здесь и читать книжки. Само собой, покуда не стемнеет, ты мог бы играть в подкову, но потом пришлось бы читать книжки. Только книжки не помогают. Человеку надобно, чтоб кто-то живой был рядом. – Голос Горбуна звучал жалобно. – Можно сойти с ума, ежели у тебя никого нету. Пускай хоть кто-нибудь, лишь бы был рядом. Я тебе говорю! – крикнул он. – Я тебе говорю: жить в одиночестве очень тяжело!

– Джордж вернется, – испуганно уговаривал Ленни сам себя. – Может, он уже вернулся. Пойду погляжу.

Горбун сказал:

– Я не хотел тебя страшить. Он вернется. Это я про себя говорил. Сидишь тут один по вечерам, читаешь книжки, или думаешь, или еще чем займешься. Иногда думаешь вот так,

один-одинешенек, и некому тебе сказать, что правильно, а что нет. Или увидишь чего, но знать не знаешь, так это или не так. И нельзя обратиться к другому человеку да спросить, видит ли он то же самое. Ничего не поймешь. И объяснить некому. Я здесь много чего перевидал. И не был пьян. Но я не знаю, может, это мне во сне приснилось. Ежели б рядом со мной был кто-нибудь, он сказал бы мне, спал я или нет, и тогда все стало бы ясно. А так я просто ничего не знаю.

Горбун смотрел в окно.

Ленни сказал с тоской:

– Джордж меня не бросит. Я знаю, Джордж этого не сделает.

Горбун продолжал задумчиво:

– Помню, как я еще ребенком жил у своего старика на ранчо, где он курей разводил. У меня были два брата. Мы никогда не расставались, никогда. Спали в одной комнате, на одной кровати – все трое. А в саду у нас клубника росла, и был луг, а на нем люцерна. Помню, в погожее утро мы чуть свет выпускали курей на этот самый луг. Мои братья садились верхом на загородку и присматривали за ними, а куры все до единой были белые.

Постепенно Ленни заинтересовался.

– Джордж говорит, что у нас будет люцерна для кроликов.

– Для каких кроликов?

– У нас будут кролики и ягоды.

– Ты спятил.

– Будут. Спросите сами у Джорджа.

– Ты спятил, – снова сказал Горбун с презрением. – Я видывал, как сотни людей приходили на ранчо с мешками, и головы у них были набиты таким же вздором. Их были сотни. Они приходили и уходили, и каждый мечтал о клочке собственной земли. И ни хрена у них не вышло. Ни хрена. Всякий хочет иметь свой клочок земли. Я здесь много книжек перечитал. Никому не попасть на небо, и никому не видать своей земли. Все это одно только мечтанье. Люди беспрерывно об этом говорят, но это одно только мечтанье.

Он замолчал и поглядел на распахнутую дверь, потому что лошади беспокойно зашевелились и уздечки звякнули. Послышалось ржание.

– Кажется, там кто-то есть, – сказал Горбун. – Может, это Рослый. Иногда он заходит сюда раза два, а то и три за вечер. Рослый – заядлый лошажник. Он очень заботится об своих мулах.

Горбун с трудом встал и подошел к двери.

– Это вы, Рослый? – спросил он.

Отозвался Плюм:

– Рослый в город уехал. Скажи, ты, случаем, не видал Ленни?

– Это ты про здорового малого спрашиваешь?

– Да. Не видал его?

– Он здесь, – бросил Горбун отрывисто. Потом вернулся к своему ложу и лег.

Плюм остановился на пороге, поскреб культю и сощурился от света.

Внутрь он не вошел.

– Слышь, Ленни. Я тут все думал об кроликах...

– Можешь войти, ежели хочешь, – проворчал Горбун.

Плюм как будто даже сконфузился.

– Не знаю, право слово. Само собой, ежели ты позволишь...

– Входи. Уж коли другие входят, стало быть, можно и тебе.

Горбун с трудом скрыл свою радость под сердитой гримасой.

Плюм вошел, все еще конфузясь.

– А у тебя тут уютненько, – сказал он Горбуну. – Наверно, хорошо иметь отдельную комнатенку.

– Ясное дело, – сказал Горбун. – И навозную кучу под окном. Чего уж лучше.

– Говори об кроликах, – вмешался Ленни.

Плюм прислонился к стене подле висевшего на ней рваного хомута и снова поскреб культу.

– Я здесь уже давно, – сказал он. – И Горбун тоже. А ведь я в первый раз в этой клетушке.

– Кто ж заходит в жилище черномазого, – хмуро сказал Горбун. – Сюда никто не заходит, окромя Рослого. Он, да еще хозяин, а больше – никто.

Плюм поспешно переменял разговор:

– Рослый – лучший возчик на всем белом свете.

Ленни наклонился к Плюму.

– Говори об кроликах, – потребовал он.

Плюм улыбнулся.

– Я все обмозговал. Ежели как следовало взяться за дело, можно заработать и на кроликах.

– Но я буду их кормить, – перебил его Ленни. – Джордж так сказал. Он обещал мне.

Горбун грубо вмешался в разговор:

– Вы, ребята, просто сами себя морочите. Болтаете чертову пропасть, но все одно своей земли вам не видать. Ты будешь тут уборщиком, Плюм, покуда тебя не вынесут ногами вперед. Эхма, многих я тут перевидал. А Ленни недели через две или три возьмет расчет да уйдет. Эх, всякий только об землице и думает.

Плюм сердито потер щеку.

– Можешь быть уверен, у нас все будет. Джордж так сказал. У нас уже и денежки припасены.

– Да неужто? – спросил Горбун. – А где сейчас Джордж, позвольте полюбопытствовать? В городе, в веселом доме. Вот куда уплывут все ваши денежки. Господи, да я уже видел это множество раз. Немало перевидал я людей, у которых в голове только и мысли что об землице. Но в руки им ничего не доставалось.

– Конечно, все этого хотят! – воскликнул Плюм. – Всякий хочет иметь клочок земли, хоть небольшой, да собственный. И кров над головою, чтоб никто не мог его выгнать, как собаку. У меня сроду ничего такого не было. Я работал чуть не на всех хозяев в этом штате, а урожай доставался не мне. Но теперь у нас будет своя землица, можешь не сумлеваться. Джордж не взял с собой денег. Они лежат в банке. У меня, Ленни и Джорджа будет свой дом. Будут собака, кролики и куры. Будет кукурузное поле и, может, корова или коза.

Он замолчал, увлеченный этой картиной.

– Говоришь, у вас есть деньги? – спросил Горбун.

– Уж будь спокоен. Большая часть есть. Остается раздобыть сушие пустяки. Мы раздобудем их всего за месяц. И Джордж уже присмотрел ранчо.

Горбун ощупал свою спину.

– Никогда не видал, чтоб кто-нибудь в самом деле купил ранчо, – сказал он. – Я видывал людей, которые чуть с ума не сходили от тоски по земле, но всегда веселый дом или игра в карты брали свое. – Он поколебался. – Ежели вы, ребята, захотите иметь дарового работника, только за харчи, я с охотой пойду к вам. Не такой уж я калека, могу работать как зверь, ежели захочу.

– Вы Кудряша не видали, мальчики?

Все трое живо обернулись. В дверь заглядывала жена Кудряша. Лицо ее было ярко нарумянено. Губы слегка приоткрыты. Дышала она тяжело, словно после бега.

– Кудряш сюда не заходил, – сказал Плюм, поморщась.

Она стояла в дверях улыбаясь и потирала пальцами ногти на другой руке. Взгляд ее скользнул по их лицам.

– Они оставили здесь всех немощных и скорбных душой, – сказала она наконец. – Думаете, я не знаю, куда все уехали? И Кудряш тоже. Знаю я, где они сейчас.

Ленни смотрел на нее с восхищением, но Плюм и Горбун хмуро отводили глаза, избегая встречаться с ней взглядом.

Плюм сказал:

– Ну, уж ежели вы все знаете, тогда зачем спрашиваете, где Кудряш?

Она смотрела на них, забавляясь и посмеиваясь.

– Вот умора, – сказала она. – Ежели я застаю которого-нибудь из мужчин одного, мы отлично ладим. Но ежели их двое, они и разговаривать со мной не станут. Знай только злобятся. – Она перестала тереть ногти и уперла руки в бедра. – Вы все боитесь друг друга, вот что. Всякий боится, что остальные против него чего-то замышляют.

Наступило молчание. Потом Горбун сказал:

– Пожалуй, вам лучше уйти домой. Мы не хотим неприятностей.

– А какие вам от меня неприятности? Думаете, мне не хочется хоть иногда поговорить с кем-нибудь? Думаете, охота мне дома сиднем сидеть?

Плюм положил культю на колено и осторожно потер ее ладонью. Он сказал сердито:

– У вас муж есть. Нечего вам тут ходить да закидоны другим мужчинам делать, через это только одни неприятности происходят.

Женщина взбеленилась:

– Ну конечно, у меня есть муж. Вы все его знаете. Хорош, правда? Все время грозит, что расправится с теми, кого не любит, а сам не любит никого. Думаете, мне охота сидеть в этом паршивом домишке и слушать про то, как Кудряш врежет два раза левой, а потом наповал правой? «Врежу ему разок, – говорит, – и он сразу с копыт долой». – Она умолкла, и лицо ее вдруг оживилось. – Скажите, как это у Кудряша рука повредилась?

Последовало неловкое молчание. Плюм украдкой глянул на Ленни. Потом тихонько кашлянул.

– Ну... Кудряш... Рука у него в машину попала. И он поранился.

Она посмотрела на них и засмеялась.

– Враки! Чего вы мне голову-то морочите! Кудряш устроил какую-то заварушку, а расхлебать не сдюжил. Рука в машину попала – враки! Да ведь он никому не врезал с тех пор, как у него рука искалечена. Так кто же искалечил?

Плюм повторил угрюмо:

– Рука в машину попала.

– Ну уж ладно, – сказала она с презрением. – Ладно, прикрывайте его, ежели вам охота. Мне-то что? Вы, бродяги, много об себе воображаете. По-вашему, я ребенок! А ведь я могла уехать отсюда и играть на сцене. Не раз была у меня такая возможность. Один человек обещал мне, что я буду сниматься в кино. – От волнения она едва перевела дух. – Субботний вечер. Никого нету, все развлекаются кто как может. Все! А я как развлекаюсь? Стою здесь и треплюсь с бродягами – с негром, с дураком и со старым вонючим козлом, да еще радуюсь, потому как окромя них здесь ни души нету.

Ленни глядел на нее разинув рот. Горбун скрылся под своей обычной личиной холодного достоинства. Но старик Плюм вдруг словно преобразился. Он решительно встал и изо всех сил пнул ногой бочонок, на котором сидел.

– Ну, с меня довольно, – сказал он со злостью. – Вас сюда никто не звал. Мы вам сразу так и сказали. И я хочу вам еще сказать, что у вас неправильное понятие об том, кто мы такие. У вас меньше мозгов, чем у курицы, она и то поняла бы, что мы не совсем болваны. Пушай

вы нас выгоните. Пущай. Думаете, мы станем бродить по дорогам, снова искать грошовых заработков, вроде как здесь? Вам, поди, и невдомек, что у нас есть собственное ранчо и собственный дом. Нам незачем здесь оставаться. У нас есть дом, и куры, и сад, и там во сто раз лучше, чем здесь. И друзья у нас тоже есть. Может, было время, когда мы боялись, как бы нас не выгнали, но теперича ничуть не боимся. У нас есть свое ранчо, наше собственное, и мы можем туда хоть нынче переехать.

Женщина засмеялась.

– Враки, – сказала она. – Много я вас тут перевидала. Ежели б у вас был хоть грош за душой, вы купили бы на него самогонки и выпили ее до последней капли. Знаю я вас.

Лицо Плюма побагровело, но прежде чем она умолкла, он кое-как совладал с собой. Теперь он стал хозяином положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.